

ISSN 0132-0637

Октябрь

5

1990

Журнал

ОКТАБРЬ

1990, № 5.

Конституционные идеи Андрея Сахарова

КОНСТИТУЦИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК ЕВРОПЫ И АЗИИ

ПРОЕКТ А. Д. САХАРОВА

Смерть Андрея Дмитриевича Сахарова прервала его работу над проектом Конституции СССР (по его предложению — «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии»). Этот проект был уже многократно опубликован — впрочем, обычно скромными тиражами и в двух заметно разнящихся версиях, без каких-либо пояснений*.

Мы предлагаем читателям часть материалов из этой книги: проект конституции, статью Леонида Михайловича Баткина, воспоминания Елены Георгиевны Боннэр. Очень важно, чтобы сахаровский проект не воспринимался как всего лишь символ, надгробье замечательному человеку, как повод еще раз печально и молча снять шляпу. В высшей степени необходимо развернуть комментирование, обдумывание, дискуссию, практическую работу с текстом А. Д. Сахарова, — добиваясь, чтобы сахаровская Конституция участвовала в борьбе за демократию в нашей стране и стала, если судьба России сложится хорошо, частью этой судьбы, первым наброском ее Основного Закона.

Мы приглашаем читателей высказаться о содержании и реальной значимости проекта Сахарова для подготовки новой советской Конституции, с тем, чтобы опубликовать затем обзор читательской почты по этому поводу.

1. Союз Советских Республик Европы и Азии (сокращенно — Европейско-Азиатский Союз, Советский Союз) — добровольное объединение суверенных республик (государств) Европы и Азии.

2. Цель народа Союза Советских Республик Европы и Азии — счастливая, полная смысла жизнь, свобода материальная и духовная, благосостояние, мир и безопасность для граждан страны, для всех людей на Земле независимо от их расы, национальности, пола, возраста и социального положения.

3. Европейско-Азиатский Союз опирается в своем развитии на нравственные и культурные традиции Европы и Азии и всего человечества, всех рас и народов.

* Полностью книга, в которой сахаровская Конституция впервые не только воспроизводится, но и сопровождается приложениями, помогающими понять ее политический, исторический, биографический контекст, главное же — с комментариями, которые открывают серьезное обсуждение политического завещания Сахарова, выходит в издательстве «Московский рабочий».

4. Союз в лице его органов власти и граждан стремится к сохранению мира во всем мире, к сохранению среды обитания, к сохранению внешних и внутренних условий существования человечества и жизни на Земле в целом, к гармонизации экономического, социального и политического развития во всем мире. Глобальные цели выживания человечества имеют приоритет перед любыми региональными, государственными, национальными, классовыми, партийными, групповыми и личными целями. В долгосрочной перспективе Союз в лице органов власти и граждан стремится к встречному плюралистическому сближению (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, как к единственному кардинальному решению глобальных и внутренних проблем. Политическим выражением такого сближения должно стать создание в будущем Мирового правительства.

5. Все люди имеют право на жизнь, свободу и счастье. Целью и обязанностью граждан и государства является

обеспечение социальных, экономических и гражданских прав личности. Осуществление прав личности не должно противоречить правам других людей, интересам общества в целом. Граждане и учреждения обязаны действовать в соответствии с Конституцией и законами Союза и республик и принципами Всеобщей Декларации прав человека ООН. Международные законы и соглашения, подписанные СССР и Союзом, в том числе Пакты о правах человека ООН и Конституция Союза, имеют на территории Союза прямое действие и приоритет перед законами Союза и республик.

6. Конституция Союза гарантирует гражданские права человека — свободу убеждений, свободу слова и информационного обмена, свободу религии, свободу ассоциаций, митингов и демонстраций, свободу эмиграции и возвращения в свою страну, свободу передвижения, выбора места проживания, работы и учебы в пределах страны, неприкосновенность жилища, свободу от произвольного ареста и не обоснованной медицинской необходимости психиатрической госпитализации. Никто не может быть подвергнут уголовному или административному наказанию за действия, связанные с убеждениями, если в них нет насилия, призывов к насилию, иного ущемления прав других людей или государственной измены.

Конституция гарантирует отделение церкви от государства и невмешательство государства во внутрицерковную жизнь.

7. В основе политической, культурной и идеологической жизни общества лежат принципы плюрализма и терпимости.

8. Никто не может быть подвергнут пыткам и жестокому обращению. На территории Союза в мирное время запрещена смертная казнь.

Запрещены медицинские и психологические опыты над людьми без согласия испытуемых.

9. Принцип презумпции невиновности является основополагающим при судебном рассмотрении любых обвинений каждого гражданина. Никто не может быть лишен какого-либо звания и членства в какой-либо организации или публично объявлен виновным в совершении преступления до вступления в законную силу приговора суда.

10. На территории Союза запрещена дискриминация в вопросах оплаты труда и трудоустройства, поступления в учебные заведения и получения образования по признакам национальности, религиозных и политических убеждений, а также (при отсутствии прямых противопоказаний, оговоренных в законе) по признакам пола, возраста, состояния здоровья, наличия в прошлом судимости.

На территории Союза запрещена дискриминация в вопросах предоставления жилья, медицинской помощи и других социальных вопросах по признакам пола, национальности, религиозных и политических убеждений, возраста и состояния

здоровья, наличия в прошлом судимости.

11. Никто не должен жить в нищете. Пенсии по старости для лиц, достигших пенсионного возраста, пенсии для инвалидов войны, труда и детства не могут быть ниже прожиточного уровня. Пособия и другие виды социальной помощи должны гарантировать уровень жизни всех членов общества не ниже прожиточного минимума. Медицинское обслуживание граждан и система образования строятся на основе принципов социальной справедливости, доступности минимально-достаточного медицинского обслуживания (бесплатного и платного), отдыха и образования для каждого вне зависимости от имущественного положения, места проживания и работы.

Вместе с тем должны существовать платные системы повышенного типа медицинского обслуживания и конкурсные системы образования.

12. Союз не имеет никаких целей экспансии, агрессии и мессианизма. Вооруженные Силы строятся в соответствии с принципом оборонительной достаточности.

13. Союз подтверждает принципиальный отказ от применения первым ядерного оружия. Ядерное оружие любого типа и назначения может быть применено лишь с санкции Главнокомандующего Вооруженными Силами страны при наличии достоверных данных об умышленном применении ядерного оружия противником и при исчерпании иных способов разрешения конфликта. Главнокомандующий имеет право отменить ядерную атаку, предпринятую по ошибке, в частности уничтожить находящиеся в полете запущенные по ошибке межконтинентальные ракеты и другие средства ядерной атаки.

Ядерное оружие является лишь средством предотвращения ядерного нападения противника. Долгосрочной целью политики Союза являются полная ликвидация и запрещение ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, при условии равновесия в обычных вооружениях, при разрешении региональных конфликтов и при общем смягчении всех факторов, вызывающих недоверие и напряженность.

14. В Союзе не допускаются действия каких-либо тайных служб охраны общественного и государственного порядка. Тайная деятельность за пределами страны ограничивается задачами разведки и контрразведки. Тайная политическая, подрывная и дезинформационная деятельность запрещается. Государственные службы Союза участвуют в международной борьбе с терроризмом и торговлей наркотиками.

15. Основополагающим и приоритетным правом каждой нации и республики является право на самоопределение.

16. Вступление республики в Союз Советских Республик Европы и Азии осуществляется на основе Союзного до-

говора в соответствии с волей населения республики по решению высшего законодательного органа республики.

Дополнительные условия вхождения в Союз данной республики оформляются Специальным протоколом в соответствии с волей населения республики. Никаких других национально-территориальных единиц, кроме республик, Конституция Союза не предусматривает, но республика может быть разделена на отдельные административно-экономические районы.

Решение о вхождении республики в Союз принимается на Учредительном Съезде Союза или на Съезде народных депутатов Союза.

17. Республика имеет право выхода из Союза. Решение о выходе республики из Союза должно быть принято высшим законодательным органом республики в соответствии с референдумом на территории республики не ранее, чем через год после вступления республики в Союз.

18. Республика может быть исключена из Союза. Исключение республики из Союза осуществляется решением Съезда народных депутатов Союза большинством не менее $\frac{2}{3}$ голосов, в соответствии с волей населения Союза, не ранее чем через три года после вступления республики в Союз.

19. Входящие в Союз республики принимают Конституцию Союза в качестве Основного закона, действующего на территории республики, наряду с Конституциями республик. Республики передают Центральному Правительству осуществление основных задач внешней политики и обороны страны. На всей территории Союза действует единая денежная система. Республики передают в ведение Центрального Правительства транспорт и связь союзного значения. Кроме перечисленных, общих для всех республик условий вхождения в Союз, отдельные республики могут передать Центральному Правительству другие функции, а также полностью или частично объединять органы управления с другими республиками. Эти дополнительные условия членства в Союзе данной республики должны быть зафиксированы в протоколе к Союзному договору и основываться на референдуме на территории республики.

Наряду с гражданством Союза республика может устанавливать гражданство республики.

20. Оборона страны от внешнего нападения возлагается на Вооруженные Силы, которые формируются на основе Союзного закона. В соответствии со Специальным протоколом республика может иметь республиканские Вооруженные Силы или отдельные рода войск, которые формируются из населения республики и дислоцируются на территории республики. Республиканские Вооруженные Силы и подразделения входят в Союзные Вооруженные Силы и подчиняют-

ся единому командованию. Все снабжение Вооруженных Сил вооружением, обмундированием и продовольствием осуществляется централизованно на средства союзного бюджета.

21. Республика может иметь республиканскую денежную систему наряду с союзной денежной системой. В этом случае республиканские денежные знаки обязательны к приему повсеместно на территории республики. Союзные денежные знаки обязательны во всех учреждениях союзного подчинения и допускаются во всех остальных учреждениях. Только Центральный банк Союза имеет право выпуска и аннулирования союзных и республиканских денежных знаков.

22. Республика, если противное не оговорено в Специальном протоколе, обладает полной экономической самостоятельностью. Все решения, относящиеся к хозяйственной деятельности и строительству, за исключением деятельности и строительства, имеющих отношение к функциям, переданным Центральному Правительству, принимаются соответствующими органами республики. Никакое строительство союзного значения не может быть предпринято без решения республиканских органов управления. Все налоги и другие денежные поступления от предприятий и населения на территории республики поступают в бюджет республики. Из этого бюджета для поддержания функций, переданных Центральному Правительству, в союзный бюджет вносится сумма, определяемая бюджетным Комитетом Союза на условиях, указанных в специальном протоколе.

Остальная часть денежных поступлений в бюджет находится в полном распоряжении Правительства республики.

Республика обладает правом прямых международных экономических контактов, включая прямые торговые отношения и организацию совместных предприятий с зарубежными партнерами. Таможенные правила являются общесоюзными.

23. Республика имеет собственную, не зависимую от Центрального Правительства систему правоохранительных органов (милиция, министерство внутренних дел, пенитенциарная система, прокуратура, судебная система). Приговоры по уголовным делам могут быть отменены в порядке помилования Президентом Союза. На территории республики действуют союзные законы при условии утверждения их Верховным законодательным органом республики и республиканские законы.

24. На территории республики государственным является язык национальности, указанной в наименовании республики. Если в наименовании республики указаны две или более национальности, то в республике действуют два или более государственных языка. Во всех республиках Союза официальным языком межреспубликанских отношений яв-

ляется русский язык. Русский язык является равноправным с государственным языком республики во всех учреждениях и предприятиях союзного подчинения. Язык межнационального общения не определяется конституционно. В республике Россия русский язык является одновременно республиканским государственным языком и языком межреспубликанских отношений.

25. Первоначально структурными составными частями Союза Советских Республик Европы и Азии являются Союзные и Автономные республики, Национальные автономные области и Национальные округа бывшего Союза Советских Социалистических Республик. Национально-конституционный процесс начинается с провозглашения независимости всех национально-территориальных структурных частей СССР, образующих суверенные республики (государства). На основе референдума некоторые из этих частей могут объединяться друг с другом. Разделение республики на административно-экономические районы определяется Конституцией республики.

26. Границы между республиками являются неизменными первые 10 лет после Учредительного Съезда. В дальнейшем изменение границ между республиками, объединение республик, разделение республик на меньшие части осуществляется в соответствии с волей населения республик и принципом самоопределения наций в ходе мирных переговоров с участием Центрального Правительства.

27. Центральное Правительство Союза располагается в столице (главном городе) Союза. Столица какой-либо республики, в том числе столица России, не может быть одновременно столицей Союза.

28. Центральное Правительство Союза включает:

- 1) Съезд народных депутатов Союза;
- 2) Совет Министров Союза;
- 3) Верховный Суд Союза.

Глава Центрального Правительства Союза — Президент Союза Советских Республик Европы и Азии. Центральное Правительство обладает всей полнотой высшей власти в стране, не разделяя ее с руководящими органами какой-либо партии.

29. Съезд народных депутатов Союза имеет две палаты.

1-я Палата, или Палата Республик (400 депутатов), избирается по территориальному принципу по одному депутату от избирательного территориального округа с приблизительно равным числом избирателей. 2-я Палата, или Палата Национальностей, избирается по национальному признаку. Избиратели каждой национальности, имеющей свой язык, избирают определенное число депутатов, а именно — по одному депутату от 2,0 (полных) миллионов избирателей данной национальности и дополнительно еще два депутата данной национальности.

Эта общая квота распределена по укрупненным многомандатным округам. Выборы в обе палаты — всеобщие и прямые на альтернативной основе — сроком на пять лет.

Обе палаты заседают совместно, но по ряду вопросов, определенных регламентом Съезда, голосуют отдельно. В этом случае для принятия закона или постановления требуется решение обеих палат.

30. Съезд народных депутатов Союза Советских Республик Европы и Азии обладает высшей законодательной властью в стране. Законы Союза, не затрагивающие положений Конституции, принимаются простым большинством голосов от списочного состава каждой из палат и имеют приоритет по отношению ко всем законодательным актам союзного значения, кроме Конституции.

Законы Союза, затрагивающие положения Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии, а также прочие изменения текста статей Конституции, принимаются при наличии квалифицированного большинства не менее $\frac{2}{3}$ голосов от списочного состава в каждой из палат Съезда. Принятые таким образом решения имеют приоритет по отношению ко всем законодательным актам союзного значения.

31. Съезд обсуждает бюджет и поправки к нему, используя доклад Комитета Съезда по бюджету. Съезд избирает Председателя Совета Министров Союза, министров иностранных дел и обороны и других высших должностных лиц Союза. Съезд назначает Комиссии для выполнения одноразовых поручений, в частности для подготовки законопроектов и рассмотрения конфликтных ситуаций. Съезд назначает постоянные Комитеты для разработки перспективных планов развития страны, для разработки бюджета, для постоянного контроля над работой органов исполнительной власти. Съезд контролирует работу Центрального банка. Только с санкции Съезда возможны несбалансированные эмиссия и изъятие из обращения союзных и республиканских денежных знаков.

32. Съезд избирает из своего состава Президиум. Члены Президиума Съезда председательствуют на Съезде, осуществляют организационные функции по обеспечению работы Съезда, его Комиссий и Комитетов. Члены Президиума не имеют других функций и не занимают никаких руководящих постов в Правительстве Союза и республик и в партиях.

33. Совет Министров Союза включает Министерство иностранных дел, Министерство обороны, Министерство оборонной промышленности, Министерство финансов, Министерство транспорта союзного значения, Министерство связи союзного значения, а также другие министерства для исполнения функций, переданных Центральному Правительству отдельными республиками в соответствии со Специальными протоколами к

Союзному договору. Совет Министров включает также Комитеты при Совете Министров Союза.

Кандидатуры всех министров, кроме министра иностранных дел и министра обороны, предлагает Председатель Совета Министров и утверждает Съезд. В том же порядке назначаются Председатели Комитетов при Совете Министров.

34. Верховный Суд Союза имеет четыре палаты:

- 1) Палата по уголовным делам;
- 2) Палата по гражданским делам;
- 3) Палата арбитража;
- 4) Конституционный суд.

Председателей каждой из палат избирает на альтернативной основе Съезд народных депутатов Союза.

В компетенцию Верховного Суда входит рассмотрение проблем и дел союзного и межреспубликанского характера.

35. Президент Союза Советских Республик Европы и Азии избирается сроком на пять лет в ходе прямых всеобщих выборов на альтернативной основе. До выборов каждый кандидат в Президенты называет своего заместителя, который баллотируется одновременно с ним.

Президент не может совмещать свой пост с руководящей должностью в какой-либо партии. Президент может быть отстранен от своей должности в соответствии с референдумом на территории Союза, решение о котором должен принять Съезд народных депутатов Союза большинством не менее 2/3 голосов от списочного состава. Голосование по вопросу о проведении референдума производится по требованию не менее 60 депутатов. В случае смерти Президента, отстранения от должности или невозможности выполнения им обязанностей по болезни и другим причинам его полномочия переходят к заместителю.

36. Президент представляет Союз на международных переговорах и церемониях. Президент является Главнокомандующим Вооруженными Силами Союза. Президент обладает правом законодательной инициативы в отношении союзных законов и правом вето в отношении любых законов и решений Съезда народных депутатов, принятых менее чем 55% от списочного состава депутатов. Съезд может ставить на повторное голосование подвергшийся вето закон, но не более двух раз.

37. Экономическая структура Союза основана на плюралистическом сочетании государственной (республиканской, межреспубликанской и союзной), кооперативной, акционерной и частной (личной) собственности на орудия и средства производства, на все виды промышленной и сельскохозяйственной техники, на производственные помещения, дороги и средства транспорта, на средства связи и информационного обмена, включая средства масс-медиа, и собственности на предметы потребления, включая жилье, а также интеллектуальной собственности, включая авторское и изобретатель-

ское право. Государственные предприятия могут быть переданы в срочную или бессрочную аренду коллективам или частным лицам.

38. Земля, ее недра и водные ресурсы являются собственностью республики и проживающих на ее территории наций (народов). Земля может быть непосредственно без посредников передана во владение на неограниченный срок частным лицам, государственным, кооперативным и акционерным организациям с выплатой земельного налога в бюджет республики. Для частных лиц гарантируется право наследования владения землей детьми и близкими родственниками. Находящаяся во владении земля может быть возвращена республике лишь по желанию владельца или при нарушении им правил землепользования, при необходимости использования земли государством по решению законодательного органа республики с выплатой компенсации.

39. Земля может быть продана в собственность частному лицу и трудовому коллективу. Ограничения перепродажи и другие условия пользования землей, являющейся частной собственностью, определяются законом республики.

40. Количество принадлежащей одному лицу частной собственности, изготовленной, приобретенной или унаследованной без нарушения закона, ничем не ограничивается (за исключением земли). Гарантируется неограниченное право наследования являющихся частной собственностью домов и квартир с неограниченным правом поселения в них наследников, а также всех орудий и средств производства, предметов потребления, денежных знаков и акций. Право наследования интеллектуальной собственности определяется законами республики.

41. Каждый имеет право распоряжаться по своему усмотрению своими физическими и интеллектуальными трудовыми способностями.

42. Частные лица, кооперативные, акционерные и государственные предприятия имеют право неограниченного найма работников в соответствии с трудовым законодательством.

43. Использование водных ресурсов, а также других возобновляемых ресурсов государственными, кооперативными, арендными и частными предприятиями и частными лицами облагается налогом в бюджет республики. Использование невозобновляемых ресурсов облагается выплатой в бюджет республики.

44. Предприятия с любой формой собственности находятся в равных экономических, социальных и правовых условиях, пользуются равной и полной самостоятельностью в распределении и использовании своих доходов за вычетом налогов, а также в планировании производства, номенклатуры и сбыта продукции, в снабжении сырьем, заготовками,

полуфабрикатами и комплектующими изделиями, в кадровых вопросах, в тарифных ставках, облагаются едиными налогами, которые не должны превышать в сумме 30 процентов фактической прибыли, в равной мере несут материальную ответственность за экологические и социальные последствия своей деятельности.

45. Система управления, снабжения и сбыта продукции в промышленности и сельском хозяйстве, за исключением предприятий и учреждений союзного

подчинения, строится в интересах непосредственных производителей на основе их органов управления, снабжения и сбыта продукции.

46. Основой экономического регулирования в Союзе являются принципы рынка и конкуренции. Государственное регулирование экономики осуществляется через экономическую деятельность государственных предприятий и посредством законодательной поддержки принципов рынка, плюралистической конкуренции и социальной справедливости.

Леонид БАТКИН

О КОНСТИТУЦИОННОМ ПРОЕКТЕ АНДРЕЯ САХАРОВА

В этом проекте поражает — при первом поверхностном знакомстве с ним — уже просто то, что он существует. Не в качестве неких тезисов, соображений по поводу текста будущего документа, но именно в виде самого такого текста: сорок шесть статей Конституции. И это сделал один человек. Вот так понимавший свои обязанности в качестве члена многочленной комиссии, которая была избрана Первым Съездом народных депутатов СССР для выработки новой советской Конституции. Мы-то успели забыть даже о существовании подобной комиссии...

Действительно, а что же комиссия в целом? Едва ли не наиважнейшая среди всех комитетов и комиссий, созданных Съездом. За полгода она не собралась ни разу. Только после того, как это неслыханно скандальное обстоятельство выплыло на одном из последних заседаний второй сессии Верховного Совета СССР, — Конституционную комиссию тут же поспешно все-таки собрали, и она приняла своеобразное и полезное решение: заняться наконец-то тем делом, для которого предназначена...

Были, впрочем, весьма серьезные причины, по которым наивысшее руководство распорядилось очнуться от конституционного обморока.

Еще на Первом Съезде А. Д. Сахаров настаивал, что строительство дома нельзя начинать с крыши. Немыслимо предаваться законотворческой деятельности наобум, продвигаться шажками от одного закона или постановления к другому, постоянно наталкиваясь на их непроясненную правовую и социальную увязку, взаимозависимость, не установив заранее их систему. Это все равно, что продолжать эксперименты и утверждать что-либо о значении результатов, не располагая какой-либо общей теорией. Физик Сахаров, перенесший в политику свой опыт прагматического соотношения

между теорией и практикой, полагал, что необходимо **исходить** из новой Конституции, из фундаментальной перестройки принципов и норм, касающихся существа нашего общественно-государственного строя. А затем или одновременно, но во всяком случае обладая неким планом целого, принципиальной основой — стремиться к правовой детализации, подкреплению, осуществлению главного, на чем мы договорились бы основать будущую советскую жизнь. Поэтому первое же предложение Сахарова в парламенте было «Декретом о власти»... По его мнению, это главное, что следовало узаконить в первую очередь, ничуть не оказалось бы беспочвенным, надуманным. Ведь главное достаточно проверено мировой и (хотя бы в отрицательном смысле) отечественной историей: всем нашим мучительным, позорным прошлым и настоящим. Подкреплено громадным подъемом после марта 1989 г., тотальным кризисом «реального социализма», назревающей революционной ситуацией.

Официальные оппоненты Сахарова, напротив, считали, что, поскольку жизнь нельзя изменить сразу, «за одну ночь» (с чем, разумеется, соглашался и А. Д.), нужно не исходить из пока невообразимой новой Конституции, а **прийти** к ней — крайне постепенно и осторожно. Менять законы по частям, по кусочкам, то с одного, то с иного бока. Дабы через серию ограниченных стабилизирующих нововведений выползти из экономической ямы и подготовить население (но пуще всего, конечно, закоснелые правящие партийные верхи, на которые потребна оглядка и оглядка) к будущему конституционному выбору. А уж... какому, собственно, выбору, действительно ли и насколько радикальному, — покажет время. Как-нибудь потом. Сначала пусть улучшится конъюнктура, модернизируется КПСС, укрепится М. С. Горбачев. Неудивительно, что при избранной до-

литической линии (половинчатого реформизма правоцентристского толка) было не до заседаний Конституционной комиссии.

Что ж, время показало! Однако не потом, а сразу же.

Верховный Совет мог воочию убедиться, что принятие любого закона юридически сковывает содержание последующих законов еще до их обсуждения или грозит вступить с ними в противоречие, не говоря уже о том, что всякий важный и желательный для интересов страны разумный закон расходится с негодной от начала до конца конституцией. Депутаты увидели себя в логическом и политическом тупике.

Получилось, что на брежневскую конституцию можно ссылаться, если понадобится: мы-де не должны, приступая к строительству «правового государства», начинать с нарушения пусть мракобесных, но пока ведь не отмененных конституционных положений... И можно — тоже, если это выгодно, — плевать на конституцию, даже на совсем свежие поправки к ней. Например, Верховному Совету предоставлено теперь право принимать и **немедленно вводить в действие** любые антиконституционные законы, не дожидаясь ближайшего Съезда, где для этого понадобилось бы к тому же 2/3 голосов. А что произойдет, если Съезд разоидется с Верховным Советом, как это уже было? Будут ли люди доверять принятым и действующим, но еще не утвержденным, остающимся под вопросом фундаментальным законам? Сомнительная ситуация: и в правовом, и в политическом плане.

При создании Комитета конституционного надзора с трибуны были даны торжественные заверения, что означенный Комитет постарается никак не оберегать, но всячески способствовать преобразованию ныне действующего Основного Закона. Следовательно, намеревается смотреть сквозь пальцы на его **перестроенные** нарушения? Или впредь до отмены будет вынужден все же оберегать мертвую, лживую букву? Или станет действовать... по обстоятельствам? Как заявил один из уважаемых депутатов, гарантией правильности действий Комитета по конституционному надзору в конце концов явятся попросту высокие личные достоинства, прогрессивность его членов. Это, что и говорить, замечательная гарантия, но, увы, единственная и **не** правовая ввиду отсутствия, кроме личного правосознания, чего-либо иного, на что члены Комитета могли бы твердо опереться. Думаю, во всей истории человечества, включая даже послереволюционные суды 1918 г., не было юридической инстанции более загадочной, чем этот Комитет, обязанный надзирать за неприкосновенностью практически несуществующей Конституции: после того, как прежний ее текст признан обветшалым клочком бумаги и прежде чем принят новый текст.

Однако несравненно существенней формальной юридической несуразности попыток изменить отношения собственности, политическую систему и пр., сохраняя пока брежневско-сусловский Основной Закон, — разумеется, куда существенней повлияли всемирно-исторические события последних месяцев. Прошедший с ошеломляющей быстротой крах «соцлагеря», коммунистических партий и режимов Восточной Европы. Возмущение в СССР статьей 6 Конституции, общенародные требования парламентской многопартийности. Необходимость спасения советской экономики. И, наконец, открыто обозначившийся развал национально-государственного устройства, побудивший М. С. Горбачева заявить в Литве, что «мы еще не жили в федерации». А что это значит? Да то, что само название «СССР» — фальшивая этикетка, **нет** никакого «союза республик», **нет** республик как «суверенных социалистических государств», как неизвестно, впрочем, содержание слова «социалистические».

Короче говоря, все подтвердило абсолютную необходимость начинать перестройку спустя пять лет заново: с корней системы, с ликвидации партократии, с отделения государства от экономики. Начинать не с крыши, а с фундамента. То есть в политико-правовом плане опять-таки с Конституции.

Вот почему пришлось вдруг уточнить и пообещать, что страна получит новую Конституцию уже в 1990 году. Сахаров, в мае — июне 1989 г. в очередной раз опередивший события, снова оказался прав! Причем прав с точки зрения самой что ни на есть реалистической политики. Разумеется, никто не признал публично, что власти в очередной раз запоздали и ошиблись. Но бог с ним. Дело теперь не в этом.

Дело в том, чтобы при разработке еще одной советской Конституции — на сей раз, будем надеяться, рассчитанной на долгие исторические сроки, — опереться на проект, завещанный Андреем Дмитриевичем. Тщательно его обдумать и посчитаться с ним всерьез.

Припомним кое-какие факты: настолько элементарные, что их легко забыть. Сахаровская концепция нераздельной связи между правами человека и миром на земле, между выживанием человечества и открытостью каждого отдельного общества — в течение 20 лет считалась в СССР в лучшем случае (когда травля Сахарова только начиналась) прекраснодушными, «наивными» рассуждениями, далекими от политических реальностей. Теперь это объявлено у нас государственным курсом и названо «новым мышлением». Сахаровские требования прекращения советской агрессии в Афганистане или, скажем, восстановления государственности крымских татар, или обеспечения свободного выезда граждан и возвращения в СССР и т. д. — не только лет десять, но еще и три-четыре года то-

му назад даже сочувствующими, либерально настроенными людьми воспринимались как трудноосуществимые или вообще несбыточные. Сейчас эти и многие подобные требования сбылись, или кажутся близкими к осуществлению, или, во всяком случае, что называется, «поставлены в порядок дня самой жизнью». Они рассматриваются правительством, мелькают в газетах, звучат банально.

Так, может быть, и сахаровские конституционные идеи — не отвлеченные фантазии, не благие пожелания, не просто «вдохновляющее знамя», а **базовый рабочий документ?**

Предварительно критически изучив его, а затем имев честь провести с Андреем Дмитриевичем несколько часов в обсуждении статьи за статьей, фразы за фразой, я пришел к убеждению, что дело обстоит именно так. Проект Сахарова ответственный, конструктивен и чрезвычайно практически важен.

Конечно, он не совсем закончен. В нем, возможно, найдутся смысловые или стилистические шероховатости. Вроде того, что Президент назван «главой Центрального правительства», хотя в понятие последнего включены независимые от Президента Союзный Съезд депутатов и Верховный Суд (ст. 28).

Недостает некоторых разделов, например, о порядке проведения выборов, о способе разрешения возможных конфликтов между двумя законодательными палатами, о более конкретном механизме и сроках наложения и преодоления президентского вето (ст. 36), о характере контроля Съезда над Центральным банком и степени независимости последнего, за исключением вопроса об эмиссии денег (ст. 31). Далее: в какие сроки и как проводят сессии Съезда? Может ли Президент и при каких обстоятельствах распустить Съезд и назначить досрочные выборы? Есть ли у двух палат постоянные спикеры (председатели)? Каков состав, численность и способ работы Президиума Съезда, ежели он вообще нужен? (ст. 32). Не предусмотреть ли конституционно условия введения чрезвычайного положения и статус президентского правления в районах стихийных бедствий или конфликтов? Почему квалифицированное большинство для снятия президентского вето — именно 55% (ст. 36)?

Недостаточны разделы об армии. Ничего о местном самоуправлении. Слишком мало о судеустройстве и ничего о судопроизводстве (ст. 9, 23, 34). Не узаконена полная независимость судебной власти. Не раскрыты статус и полномочия Конституционного суда.

Наверно, и другие стороны, формулировки сахаровского проекта вызовут вопросы, предложения, потребность в детализации. А иные подтолкнут к принципиальным возражениям, спорам. Это естественно и неизбежно.

Андрей Дмитриевич продолжал работу над текстом Конституции буквально до

последнего часа жизни. Однако незаконченность проекта — относительная и касается, на мой взгляд, лишь сравнительно второстепенных подробностей. Особенно процедурных и протокольных (впрочем, в Конституции и «второстепенное» существенно). Вместе с тем А. Д. Сахаров в основном успел завершить проект и оставил нам тем самым свое представление об оптимальном будущем страны.

В послесловии хотелось бы:

1) Высказать кое-какие соображения по поводу парадоксальности самой задачи **составления** Конституции для пока не существующего общества, слишком не похожего на нынешнее. Интересны под этим углом зрения некоторые выразительные штрихи сахаровского текста, в котором словно бы совмещены сиюминутные, ближайшие — и бесконечно отдаленные, потенциальные исторические планы. Две реальности: настоящего и будущего.

2) Соответственно учесть, каким образом конституционный проект А. Д. Сахарова связан с совершенно конкретным положением советского и восточноевропейских обществ осенью 1989 г. и в не меньшей степени соразмерен масштабным итогам XX века в целом; сплав специфического местного политического контекста — и контекста всемирно-исторического. Локальность и глобализм.

3) Коротко отметить структуру и сквозные идеи сахаровской Конституции.

4) Дать минимальные текстологические пояснения. Проект публиковался в двух версиях. Надо обосновать, почему данную здесь версию следует считать более зрелой, каковы мотивы изменений, внесенных А. Д. Сахаровым в первоначальный вариант. Для этого мне поневоле придется самому вспоминать и свидетельствовать. В этом есть какая-то неловкость; но, с другой стороны, любые сведения о том, как Андрей Дмитриевич работал над Конституцией, представляют общий интерес, особенно если они способствовали бы лучшему пониманию текста. С последнего начну, касаясь перечисленных пунктов в произвольной последовательности.

За полночь с 21-го на 22 ноября 1989 г., без четверти час, меня поднял с постели звонок Андрея Дмитриевича. Надо сказать, что впервые А. Д. позвонил так поздно. И как всегда без пустых вступных, «вежливых» фраз, сразу начал так: «Здравствуйте! Как вы оцениваете положение в Межрегиональной группе? Состояние страны перед Съездом? Вообще — что сейчас, по-вашему, происходит?» Голос очень свежий, быстрый, пожалуй, даже непривычно приподнятый.

Я опешил. Как, очевидно, и каждый бы на моем месте, застигнутый посреди ночи **такими** вопросами... Сон мгновенно слетел. Проговорил в ответ несколько минут. Тогда Сахаров сказал: «Я подготовил проект Конституции. Не могли бы вы познакомиться с ним и сделать свои замечания?» Значит, это и была

настоящая причина ночного звонка! «Разумеется, Андрей Дмитриевич. Но насколько срочно? У меня командировка через три дня и еще не готов доклад». Он твердо: «Завтра утром пришлю вам текст с шофером. А встретимся послезавтра». Стало ясно, что Сахаров придавал особую важность скорейшему завершению работы над проектом. Поэтому вышеприведенный разговор кажется заслуживающим упоминания.

Полученный мною на следующее утро текст (на 11 страниц машинописи, 45 статей) был — абсолютно слово в слово! — тем самым, который 22 декабря появится в журнале «Новое время» (№ 52, с. 26—28), набранный посмертно с рукописи. Итак, перепечатав этот начальный текст (назову его вариантом «А»), Сахаров стал знакомить с ним, по-видимому, некий круг лиц и вносить поправки, дорабатывать. 23 ноября мне довелось, явившись к Андрею Дмитриевичу домой ровно к 15.00, побыть у него до 19.30. Подавляющая часть этой беседы наедине была отдана разбору проекта Конституции.

Припоминаю только два отвлечения в сторону. В одном случае А. Д. с большой живостью заговорил о том, что, собственно, означает понятие «эксплуатации» в «Капитале» Маркса в связи с прибавочной стоимостью и насколько возрастает рациональный смысл этого понятия, если таковой вообще имеется, применительно к советскому государственному экономическому производству. В другом случае я попросил разъяснить, каким образом и при каких условиях — с организационно-технической точки зрения — можно уничтожить находящиеся в полете межконтинентальные ракеты по сигналу с пульта управления. (Между прочим, редакция фразы «Главкомандующий имеет право отменить ядерную атаку, предпринятую по ошибке», явно содержит оговорку. Надо бы: «Главкомандующий **обязан** отменить» и т. д.; А. Д. Сахаров с этим, само собой, согласился, но прежняя формулировка все-таки сохранилась и в последнем варианте, конечно, по недосмотру.)

Андрей Дмитриевич, лежа на тахте в своей любимой позе, на боку, подперев голову левой рукой, правой делал пометки. Кое-что — главным образом, по части сугубо редакционных уточнений — тут же менял без колебаний и комментариев. Некоторые предложения отклонял столь же определенно, но обычно не вступая в спор, обдумывая про себя и молча явно не соглашаясь (ниже укажу несколько таких моментов, весьма интересных). Наконец, некоторые темы, не нашедшие, с точки зрения А. Д., достаточно убедительного и ясного решения, повисали в воздухе, откладывались для дальнейшего обдумывания. Таких трудных тем оставалось, пожалуй, немало.

В единственной прижизненной и, следовательно, авторизованной публикации проекта («Комсомольская правда», орган

ЦК комсомола Литвы, Вильнюс, 12 декабря 1989 г.), затем воспроизведенной в «Горизонте», ленинградских «Смене» и «Звезде», в «Позиции» и др. — с незначительными, мельчайшими разночтениями — присутствуют все поправки, внесенные А. Д. Сахаровым 23 ноября. Хорошо помню мотивы и соображения, лежавшие в основе новых формулировок. В **существе** проекта эти поправки, впрочем, ничего не затрагивали. Назову этот текст, которому суждено было стать последним и наиболее аутентичным вариантом «Б». За час до смерти Сахаров попросил Елену Георгиевну вписать две поправки, однако именно в вариант «А», который, следовательно, по-прежнему был в работе, под рукой. Одну из этих поправок Елена Георгиевна запомнила: выбросить из ст. 36 фразу «Президиум Съезда обладает правом помилования». Между прочим, об этой фразе упоминалось также в беседе 23 ноября. И в варианте «Б» ее уже нет! Мне неизвестно, существовала ли беловая машинопись «Б» или А. Д. просто передал в Прибалтику с В. Пальмом вариант «А» со вставками. Продолжая возвращаться мысленно к своему проекту даже в горячке заседаний Съезда, работая по памяти урывками, Андрей Дмитриевич, очевидно, использовал ту машинопись, которая оказывалась под рукой; что-то из уже исправленного ранее мог и повторить.

Поскольку мне превосходно памятна **логика** всей совокупности и каждого из исправлений, которые А. Д. счел нужным внести в вариант «А», не возникает ни малейших сомнений в том, что наиболее подвинутый этап работы выразился в варианте «Б».

Вот разночтения между ними. (Нумерация статей ниже по варианту «Б».)

Ст. 1 — Ранее значилось: «Союз... республик — объединение... республик». Чтобы избежать тавтологии и подчеркнуть уровень суверенности, лучше бы написать, что союз республик есть объединение суверенных государств. А. Д. поэтому вписал слово «государств» в скобках, как альтернативный вариант, не отдав ему окончательного предпочтения.

Ст. 2 — Было: «и его органов власти». Упоминание об «органах власти» опущено, т. к. их «цель» вторична, более специфична, подчинена и несоразмерна «цели народа».

Ст. 6 — Добавлена последняя фраза: об отделении церкви от государства и невмешательстве государства во внутрицерковную жизнь.

Ст. 8 — Добавлен абзац о запрещении медицинских и психологических опытов над людьми «без согласия испытуемых». Может быть, следовало бы продолжить так: «предупрежденных о возможных последствиях таких опытов»? Ведь добровольность, как мы убедились недавно при сеансах телегипноза, бывает следствием невежества, легкомыслия, любопытства.

Ст. 9 — Вместо «публично обвинен в совершении преступления» — «публично

объявлен виновным». Дело в том, что нельзя запретить, скажем, прессе или любым гражданам публично обвинить кого-либо, будь то лицо или организация. (Разумеется, остается правом обвиненного вчинить иск об оскорблении чести и достоинства.) Однако «объявить виновным», то есть вынести решение по предъявленному обвинению, может, разумеется, только суд. Смысл поправки — отличить возведение кем-либо обвинения от законного вердикта. Может быть, лучше было бы вместо «объявлен виновным» — «признан виновным»?

Ст. 10 — Поскольку в ст. 10 и 11 варианта «А» шла речь о запрете тех или иных видов дискриминации граждан в отношении их социальных прав и возможностей, было резонно объединить обе статьи в одну.

Ст. 11 — В последнем абзаце опущены заключительные слова («обеспечивающие...» и т. д.), содержавшие само собой разумеющиеся и тавтологичные утверждения.

Ст. 13 — Добавление относительно факторов, которые в будущем сделали бы возможными «полную ликвидацию и запрещение» всех видов оружия массового поражения.

Ст. 14 — В варианте «А» «запрещалась» «поддержка» терроризма, наркобизнеса, контрабанды «и других незаконных действий», то есть получалось, что запрещены... нарушения закона, притом тягчайшие. Негативная форма, в которой была выражена эта мысль, и явно избыточный (алогичный) запрет на нарушение запретов побудили придать этой части статьи иной, положительный и конструктивный смысл.

Ст. 18 — Ее текст полностью присутствовал и в варианте «А», но был соединен с текстом статьи 17. Ввиду необычности и важности положения о возможности исключения республики из Союза показалось целесообразным обозначить это в отдельной статье.

Ст. 21 — Добавлен последний абзац о возможном установлении, наряду с гражданством Союза, гражданства республики.

Ст. 22 — Добавлена последняя фраза: «Таможенные правила являются общесоюзными». Это логично и необходимо ввиду отсутствия каких-либо межреспубликанских таможен.

Ст. 23 — Из варианта «А» выброшена вторая фраза, т. е. любые решения Верховных судов республик кассации не подлежат. Это последняя инстанция, что более последовательно отвечает государственному суверенитету членов Советского Союза. Что до гуманного права помилования, то оно, согласно варианту «Б», предоставлено на всесоюзном уровне **только** Президенту Союза, избранному всеми народами страны в ходе прямых всеобщих выборов (см. ст. 35), но не Президиуму, который избирается косвенно, Съездом (см. ст. 32).

Ст. 25 — Произведены существенные

изменения. Прежде всего опущено все, что касается разделения Республики Россия на четыре «экономических района». Основания были следующие: 1) Экономические районы с необходимостью должны быть административно-экономическими, т. е., по существу, автономными частями республики; 2) Указанное деление на именно четыре района — спорно; на огромной территории России их может быть и больше; 3) Главное же — подобное деление (или отказ от него) должно быть всецело во внутренней компетенции самой России, а не предопределяться союзной Конституцией. Сходные решения могут быть приняты и другими республиками (например, Украиной). С другой стороны, в момент конституирования нового Союза нельзя исключить и, напротив, добровольного (на основе референдумов) объединения тех или иных ныне существующих в момент перезаключения Союзного договора национально-государственных частей Советского Союза. Отсюда — новая, более гибкая формулировка настоящей статьи.

Ст. 29 — Изменены цифры, определяющие количество депутатов в обеих палатах. Первоначально А. Д. Сахаров предполагал 750 — 1000 членов Палаты Республики. Но это все же непомерно большая численность, которая затруднила бы работу слишком громоздкого законодательного собрания; в парламентах других крупнейших демократических стран депутатов существенно меньше; это подтверждает и скромный опыт работы нашего нынешнего Верховного Совета. Поэтому А. Д. исправил 1000 на 400, повысив тем самым не только работоспособность Палаты, но и значимость каждого мандата. Той же цели достигает укрупнение представительства в Палате Национальностей.

Ст. 31 — Если, согласно варианту «А», Съезд лишь «утверждал» кандидатуры «Председателя Совета Министров», а также министров иностранных дел и обороны, предложенные Президентом (ср. ст. 36), а остальных министров предлагал Председатель Совета Министров, Съезд же опять-таки их только «утверждал» (см. ст. 31, 33), — то, согласно уточненному варианту «Б», Сахаров предлагает, чтобы Съезд «избирал» всех высших должностных лиц страны, начиная с Председателя Совета Министров. Это повышает значение должности премьера, делая его независимым от Президента и упрочивая систему баланса и противовесов при разделении властей. Это одновременно укрепляет прерогативы Съезда. В прежней версии премьер играл бы роль высшего чиновника при Президенте; причем без такого Председателя остальные министры способны были бы, в сущности, превосходно обойтись, поскольку председательствовать в их совете мог бы сам Президент. (Ср. тот способ организации высшей исполнительной власти, который принят в США. Г-и новой же версии использован опыт Франции).

Ст. 32 — Выброшена фраза о праве помилования Президиума Съезда (см. о поправке к ст. 23).

Ст. 33 — Ср. комментарий к изменениям в ст. 31.

Ст. 34 — Если республики обладают столь высокой степенью суверенности, а их Верховные суды, в частности, являются последней инстанцией по всем внутриреспубликанским уголовным и гражданским делам (см. комментарий к ст. 23), то какова же в таком случае роль Верховного суда Советского Союза? Эта роль определяется введенным в вариант «Б» последним абзацем настоящей статьи.

Ст. 36 — Добавлена последняя фраза, несколько (но, по-моему, недостаточно) уточняющая процедуру снятия президентского вето. Понижен уровень квалифицированного большинства, при котором Президент лишается права накладывать вето на решения Съезда — с $\frac{2}{3}$ до (непонятных мне) 55% от списочного состава.

Ст. 37 — Вставлено упоминание о «межреспубликанской собственности» помимо всех прочих форм собственности. В конце статьи введен пункт о передаче государственных предприятий в аренду.

Ст. 38 — В первой фразе, гласящей, что земля и пр. является собственностью республики и проживающих на ее территории наций, появилось после слова «наций» в скобках «(народов)». Это означает, что под «нациями (народами)» следует понимать всех жителей (граждан) республики? Наверно, так.

Ст. 39 — Целиком введена заново. Будучи сторонником допущения частной собственности также и на землю, А. Д. Сахаров согласился с целесообразностью ввести ограничения, которые исключили бы возможность неограниченной перепродажи земли, спекуляции земельными участками или отказа от обработки и т. д. То есть частная собственность на землю должна быть регулируема законами республики.

Ст. 40 — Этими же соображениями продиктована вставка в скобках: «(за исключением земли)». Подразумевается установление законами каждой из входящих в Союз республик **максимальных размеров** земли, находящейся в собственности одного лица или круга лиц, связанных близкими родственными (или, может быть, даже клановыми?) отношениями. Таким образом, исключается возникновение крупных частных землевладений (латифундий). И спекуляция землей, и чрезмерная концентрация ее в одних руках могут быть предотвращены при помощи законов: о минимальных сроках, отделяющих акты перепродажи земли, переход ее из одних рук в другие; о налогах на покупку и продажу или дарение земли; или о прогрессивном налоге в зависимости от размеров земельных владений; или прямым ограничением размеров частной земельной собственности.

Ст. 44 — Поправка отражает колебания А. Д. Сахарова в отношении опти-

мальной нормы налога с фактической прибыли предприятий с любой формой собственности.

Итак, в новом варианте Проекта включены изменения в двадцать три статьи из 45 статей первоначального текста; еще две статьи слиты вместе, а одна — разбита на две; введена новая статья. Всего различий двадцать шесть. (Здесь не отмечено лишь одно, чисто редакционное, в ст. 30). Уточнения носят в целом системный характер. Они направлены на усиление суверенитета республик, на придание политической системе большей устойчивости и работоспособности, а экономической системе — большей разносторонности и гибкости.

Почему Андрей Дмитриевич так торопился тогда, в конце ноября, еще раз обсудить, отработать текст документа и потратил на это, в частности, при своей фантастической загруженности, несколько часов 23 ноября, — мне стало понятно до конца лишь недавно, из рассказа Елены Георгиевны. Дело в том, что на 27 ноября было назначено то самое **первое** заседание Конституционной комиссии под председательством М. С. Горбачева. Хотя и с опозданием почти на полгода. К заседанию подготовился, во всяком случае, один из членов комиссии...

27 ноября 1989 года Андрей Дмитриевич положил перед Горбачевым проект будущей Конституции Советского Союза.

Новая страна должна носить новое имя. Сахаров удачно воспользовался известной формулой Ленина, писавшего о Союзе республик Европы и Азии. Но смысл формулы разительно изменился. Ленин после победы в гражданской войне ждал разворота мировой революции, от Европы до Индии и Китая. Советский Союз казался ему — как, впрочем, и всем большевикам — первым отвоеванным у «буржуазии» плацдармом такой революции, к которой будут затем присоединяться все новые и новые страны, так что Россия, запалившая мировой пожар, окажется в конце концов довольно скромной частью гигантского сообщества, которое включило бы и самые многочисленные народы Востока, и гораздо более передовые, чем Россия, западноевропейские нации.

Вместо революционистского пафоса старой ленинской формулы понятие «Европейско-Азиатского Союза» подразумевает, помимо очевидного геополитического факта, идею синтеза «нравственных и культурных традиций Европы и Азии». Сахаров также добавляет: «...и всего человечества, всех рас и народов» (ст. 3)! В ст. 2 целью народа «Союза Советских республик Европы и Азии» провозглашены «благосостояние, мир и безопасность для всех людей на Земле» (выделено здесь и далее мной. — Л. Б.). Причем в ст. 12 особо подчеркнуто, что «Союз не имеет никаких целей экспансии, агрессии и **мессианизма**».

Таким образом, наша страна никогда

больше не будет претендовать на некую особую ведущую роль спасительницы и благодетельницы остального мира. Политический или «духовный» (идеологический) мессианизм **любого толка** (большевистского, православно-шовинистического, исламско-фундаменталистского и т. д.) запрещен конституционно. Никто, следовательно, не должен опасаться, что советское государство вновь станет кому-либо навязывать свои идейные представления и образ жизни.

«Земля» с заглавной буквы, «Земля в целом» упоминается в проекте Сахарова и вторично, в ст. 4. «Глобальные цели выживания человечества имеют приоритет перед любыми региональными, государственными, национальными, классовыми, партийными, групповыми и личными целями». Еще ни в одном государстве мира эта мысль не была записана в Конституцию! Конечно, теперь она получила широчайшее международное признание, она едва ли не тривиальна, но вряд ли кто-либо способствовал этому в такой степени, как сам Сахаров. «Приоритет» общечеловеческого А. Д. толковал **позитивно**: как **необходимость** во имя **выживания** — «**гармонизации** экономического, социального и политического развития во всем мире». А «гармонизация» могла означать лишь одно — то, что Сахаров еще 20 лет тому назад назвал «конвергенцией», ту идею, которую он сам считал наиважнейшей и самой дорогой для себя...

Признаться, я предложил Андрею Дмитриевичу убрать из текста ст. 4 стоящее в скобках слово «конвергенция», потому что, во-первых, смысл его развернуто описан фразой в целом («встречное плюралистическое сближение социалистической и капиталистической систем»). Во-вторых, иностранный термин звучит чуждо и непонятно для большинства советских граждан; в-третьих, вокруг него накручено слишком много идеологических кривотолков. Наконец, казалось бы, в Конституции незачем упоминать о «капиталистической и социалистической системах». Можно по-разному понимать, что такое «капитализм» и «социализм»; особенно последнее понятие после 72-х лет звучит для большинства людей вряд ли утешительно и уж никак не вразумительно. Скорее, это каббалистический знак или просто жупел. Вообще «общественный строй» — не правовое определение. Над его реальным содержанием изо дня в день трудится крот истории. Его неизбежное, постоянное изменение — не что иное, как естественноисторический процесс. Конституция может и должна фиксировать лишь то, что поддается юридической фиксации: гражданские, государственные, судебные и прочие **формы**, институты, процедуры, которые имеют нормативный характер для всех жителей страны. Безотносительно к «общественному строю», т. е. к подвижному и конкретному экономическому, политическому,

культурному наполнению этих форм, что зависит уже от обстоятельств, традиций, исторической борьбы в **рамках конституции**. Закон не сводится к «отражению» интересов тех или иных групп, но сплачивает их в гражданское общество, защищает интересы каждой группы от каждой из других групп. Короче, создает формализованное, нейтральное поле **общезития**, на котором вечно сталкивающиеся живые интересы людей уравниваются, приводятся к компромиссу, разумно ограничиваются надличным и надгрупповым законом. С этой точки зрения стоит ли упоминать, скажем, о «социалистической системе»? Конституция должна лишь обеспечивать гражданам ненасильственную **возможность** сделать «систему» такой или иной, устраивать социальные отношения по своему вкусу, как угодно, не нарушая закона.

Однако Андрей Дмитриевич, внимательно слушая, твердо остался при своем. Видимо, он считал, что «встречное плюралистическое сближение» недостаточно выражает сложнейший процесс парадоксального преобразования, отнюдь не гладкого взаимопроникновения отдельных элементов каждой из систем в другую систему, их смешения и слияния «в долгосрочной перспективе». Сахаров был убежден, что, начавшись пусть с самого скромного сотрудничества («сближения»), в конце концов когда-нибудь на Земле возникнет — при всем локальном разнообразии — **одна** наиболее эффективная и безопасная «система»... и ее трудно будет счесть «капиталистической» или «социалистической». Слово «конвергенция» многозначно определяло **весь** этот процесс, долгий и неотложный, включающий и сиюминутные малые политические шаги, и всечеловеческое будущее. «Конвергенция» для А. Д. Сахарова вмещает альфу и омегу, микро- и макроуровни «выживания».

Что до терминов «социалистическая» и т. п., то А. Д. мало интересовался их теоретическим значением. Сахаров был, мне придется подчеркивать это еще и еще раз, реалистом и прагматиком. Что ни говори, две совершенно разные общественные системы и военно-политические блоки **впрямь существуют**. И, очевидно, их глубокое различие еще долго будет накладывать отпечаток на мировое сообщество, тая в себе гибельную угрозу. Поэтому почему бы не воспользоваться общепринятыми этикетками? Ведь все знают, к чему они относятся.

Надо добавить, что сахаровская «конвергенция» противостоит также хрущевско-брежневскому «соревнованию двух систем», пусть даже «мирному». Двух, стало быть, тождественных себе и непроницаемых друг для друга, неизменных и борющихся «лагерей» (правда, благоразумно «сотрудничающих», но по правилам все той же экономической, идеологической, пропагандистской, разве что только не военной борьбы). Конституция А. Д. Сахарова радикально отказывает-

ся и, более того, запрещает это привычное, тупое противостояние «капиталистической системе» как угрожающее человечеству... и нашему, нашему собственному выживанию!

А пока эта конституционная и нравственная норма не укоренилась, пока обе «системы» опасаются друг друга и держат наготове ядерное оружие, Сахаров считает обязательным впервые в мировой практике **ввести в Конституцию** не только принцип «оборонительной достаточности» (ст. 12), но и пространную статью 13, где речь идет о принципах и правилах, сводящих к минимуму угрозу применения ядерного оружия.

Итак, статьи 2, 3, 4, заключительные две фразы статьи 5, а также статьи 12, 13 и заключительная фраза статьи 14 с полнейшей определенностью основывают Конституцию Советского Союза на его принадлежности к мирному мировому человеческому сообществу. Это **первая, исходная идея** проекта.

Из сахаровского глобализма, из принципа всечеловечности с необходимостью вытекает **вторая исходная идея** Конституции. Точнее же — идея **двуединства**. «Человечество», «всечеловеческое» в качестве вездесущей и всегдашней реальности, непосредственной правды и жизненного, практического, повседневного наличия, нуждающегося в правовой защите, — это **индивид**, каждый «вот этот» человек. Это два лика единого приоритета. В сахаровской (но, конечно, не им созданной... а лишь всецело воспринятой умом и сердцем) новоевропейской иерархии ценностей — сначала и выше всего **права отдельного человека**. А уж из них вытекают все остальные права — национальные (как не отчуждаемые от индивида), социально-групповые, вообще коллективные, вплоть до «интересов общества в целом» (как принадлежащие индивиду, а следовательно — и разнохарактерным объединениям индивидов).

Любое коллективное право есть, с одной стороны, **одно из прав индивида** как члена этого коллектива; с другой стороны, коллективное право ограничивает права отдельного человека таковыми же правами другого члена этой группы; наконец, согласовывает права индивидов, принадлежащих к разным группам. Все группы (народности, социальные слои, религии, и т. п.) равны, ибо все принадлежащие к ним индивиды рождаются равными. И всякая национальная, вообще групповая принадлежность есть **часть индивида**, одна из пригодных ему или свободно выбранных им характеристик, потребностей, целей.

Последнее хочется повторить.

При всей кажущейся отвлеченности или, напротив, элементарности этой общеизвестной либеральной идеи надо говорить о ней как можно чаще и вдумчивей. Она, увы, еще не может быть признана плоской. Никакая другая идея не остается до сих пор настолько непривыч-

ной, неудобной для отечественного политического климата. Слишком трудно приживается у нас. Мы всегда готовы толковать о «народе», «народности», «интересах народа» или об «интересах нации», если не «общества» или даже «державы». Однако демократическая Конституция должна ставить во главу угла интересы отдельного человека. Принято считать, что каждый человек «принадлежит», скажем, определенной национальности и т. д., есть, следовательно, часть неизмеримо большего, чем он сам. Да, конечно... Однако в **современном** мире в отличие от традиционалистских миров это обстоятельство исторически продуктивно, расширяет горизонты человеческой свободы, получает нравственный и культурный смысл только, разумеется, в связи с понятием индивидуальной личности, ее выбора и решения.

Поэтому европейская либеральная установка переворачивает издревле очевидное представление. В наивысшем (не только культурном, но и социально-практическом и правовом) плане не индивид «принадлежит» национальности, а она принадлежит ему... не он ее часть, а она его часть, насколько личность это ощущает и признает внутренне необходимым для своего самодвижения. Стало быть, отдельный человек неизмеримо больше национального или иных моментов своего индивидуального существования, значительней (и реальней) любой конкретной общности людей, соизмерим лишь с человечеством. При всей неоспоримой обусловленности существования отдельного человека эти общественные признаки, определения, условия имеют, в свою очередь, своим условием и основанием вот эту (всякую) человеческую жизнь. Для сохранения ее свободы и уникальности неравные и непохожие (в отношении природных задатков) индивиды должны пользоваться исходно равными и неотчуждаемыми общественными правами — просто по праву рождения. Двести лет это было либеральным идеалом, пожеланием, принципом. Теперь это стало, если угодно, «технологическим» условием продолжения человеческой истории.

Правам человека в Конституции Сахарова полностью посвящены статьи 5—11, 41, косвенно также 2, 14, 37—40, 42. Причем Андрей Дмитриевич скрупулезно перечисляет и личные свободы, выкованные в западном мире; и социально-экономические права индивида, на которые обычно делался акцент в нашей стране; и права, связанные с распоряжением своей рабочей силой («физическими и интеллектуальными трудовыми способностями»); наконец, права частной собственности и наследования. Существенно упоминание «Всеобщей Декларации прав человека ООН» и «Пактов о правах человека», а также других международных соглашений, подписанных СССР, как «имеющих на территории Союза **прямое действие** и приоритет перед законами Союза и республик» (ст. 5).

Третья сквозная идея проекта А. Д. Сахарова состоит в конституционном обеспечении многопартийной парламентской демократии.

Эта идея нигде не сформулирована в лоб. Но прежде всего есть ст. 7: «В основе **политической**, культурной и идеологической жизни общества лежат принципы плюрализма и терпимости». Оговорены «свобода слова и информационного обмена», а также «свобода ассоциаций, митингов и демонстраций» (ст. 6). Запрещается в какой бы то ни было форме деятельность тайной политической полиции (ст. 14). Исключается подмена государственной власти («всей полнотой», которой обладает законно и демократически избранное правительство), вмешательство в отправление этой «высшей власти в стране» «руководящими органами какой-либо партии» (ст. 28). Иными словами, конституционно запрещены властные постановления или распоряжения в отношении страны со стороны Политбюро, ЦК КПСС, партийного съезда этой или любой другой партии. Провозглашена надпартийность функций Президента. Наконец, всеобщие и прямые выборы в обе палаты Съезда и таковые же выборы Президента на альтернативной основе (ст. 29, 35), а также вся система прерогатив и баланса законодательной, исполнительной и судебной властей — все это (ст. 28—36) соответствует, несомненно, принципам последовательной демократии: с сильным парламентом и сильным Президентом. Не считая нужным изобретать велосипед, Сахаров охотно принимал во внимание мировой, особенно северо-американский опыт.

Но Андрей Дмитриевич вместе с тем отнюдь не переоценивал значения прецедентов, превосходно понимая, насколько наши современные условия отличны от всего, что было и есть в государствах мира. Эта уникальность СССР требует при создании Конституции — и особенно в деле национально-государственного переустройства — знания отечественных реалий, политического воображения, раскованной и выверенной интеллектуальной изобретательности («просто умных людей», как говаривал Сахаров).

Прежде чем перейти к этой наиболее пространной (статьи 15—26, отчасти и статьи 27, 29, 31, 33, 38, 40, 43), а также и наиболее необычной, сложной и, очевидно, наиболее спорной части конституционной программы А. Д. Сахарова, коснусь эпизода, показывающего, насколько личным было отношение А. Д. к сочиняемому проекту. В единственном, насколько я мог заметить, случае непосредственного текстуального заимствования — из американской «Декларации независимости» 1776 г. — Андрей Дмитриевич не подозревал об этом. Слова эти врезались в память, и он использовал их невольно. Это та самая знаменитая фраза: «Мы считаем самоочевидными истины: что все люди созданы равными и наделены Творцом неотъемлемыми права-

ми, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью...» А в проекте Сахарова: «Все люди имеют право на жизнь, свободу и счастье». Андрей Дмитриевич сказал, что, как возразил ему один из читателей проекта, выражение «право на счастье» **лишено юридического смысла**. Поскольку каждый человек понимает «счастье» по-своему. Действительно, вне религиозно-риторического контекста великой американской Декларации, основывавшей все права на «законах природы и ее Творца» «с твердой верой в покровительство Божественного Провидения», в совершенно ином стиле сахаровского проекта те же слова насчет «права на счастье» странно выделялись... в отличие от Декларации, где они совершенно сливались с общим стилистическим потоком. Я тоже в тот момент не подумал о переключке; в **ином** историко-культурном контексте настоящей переключки не получалось... в такой мере, что и слова были тоже словно бы иными.

А тогда, в разговоре, я очень серьезно согласился с отсутствием юридического смысла и даже предложил, поменяв порядок двух последующих фраз, изложить начало статьи 5 в такой редакции: «Все люди имеют право на жизнь, свободу и счастье, **как они его понимают**. Осуществление прав личности не должно противоречить правам других людей. Целью и обязанностью государства...» и т. д. Таким образом, «право на счастье» значило бы право каждого жить по-своему, не мешая другим, то есть выражало бы принцип индивидуального самоосуществления.

Андрей Дмитриевич выслушал и помолчал. Я принялся еще раз толковать формулу «как они его понимают» (или «как его понимает каждый»), ссылаясь на Вильгельма фон Гумбольдта и пр. Андрей Дмитриевич смущенно улыбнулся и пояснил проще: «Хотелось, чтоб были какие-то высокие слова...»

На том и кончили. А. Д. оставил статью 5 без изменений. «Юридически бессодержательное» понятие счастья дано в проекте даже дважды. Более того, с этого он начинается.

Статья 2: «Цель народа Союза Советских Республик Европы и Азии — счастливая, полная смысла жизнь...» «Высокие слова» нужны были Сахарову в этом тексте не из сентиментальных побуждений. У политической Конституции должна быть надгослитическая, всечеловеческая, гуманистическая цель. Если «счастье» — это «полная смысла жизнь», то смысловая полнота каждого индивидуального существования есть не что иное, как **культура**.

Основной замысел национально-государственного устройства (нового Союзного договора, основанного на Конституции) был разработан А. Д. Сахаровым давно и изложен в соавторстве с Г. В. Старовойтовой в программных документах Межрегиональной группы народных

депутатов СССР. Теперь этот замысел получил конкретную юридическую форму.

Какова же **четвертая сквозная идея** проекта?

Во-первых. «Первоначально структурными составными частями Союза Советских Республик Европы и Азии являются Союзные и Автономные республики, Национальные автономные области и Национальные округа бывшего Союза Советских Социалистических Республик» (ст. 25). Сталинское разделение всех национально-государственных образований в СССР на четыре категории, подчиненные по вертикали высшей из них — союзной республике — как и союзные республики, в свою очередь, подчинены имперскому наднациональному центру, — это неравноправное устройство уничтожается. И новый Союзный договор подписывают все бывшие части СССР в качестве равных республик, независимо от размеров, наличия внешней границы, численности населения. В частности, внутри бывшей РСФСР впервые появляется Республика Россия, отдельно от других бывших автономий бывшей РСФСР.

Никакого «центра» **над** республиками нет. Но сильные (т. е. суверенные) республики добровольно, по условиям Союзного договора, передают **строго оговоренный минимум** полномочий (компетенции) создаваемому ими Центральному правительству (ст. 23). Весь конституционный процесс преобразования идет снизу вверх. Не центр «расширяет права республик», а они вручают их центру. Передача центру наиболее важных (затрагивающих интересы всех республик) внешнеполитических сношений; организация совместной обороны (армии) и оборонной промышленности; межреспубликанская (всесоюзная) денежная единица и общая часть бюджета, выделяемая республиками из своих бюджетов; транспорт и связь общесоюзного значения. Двухпалатный Съезд, Президент, Совет министров, Верховный суд.

Во-вторых (и тут, пожалуй, изюминка предлагаемой структуры!). Помимо обязательного минимума полномочий, которые республики делегируют избранному и контролируемому ими Центральному правительству, каждая республика также вправе добровольно, по своему усмотрению, дополнительно передать Центру те или иные экономически административные и прочие функции управления.

Республика может заключить Специальный протокол к Союзному договору.

По дополнительному протоколу права республики могут сужаться, но могут и расширяться. Республика, например, **может** располагать и собственными национальными военными формированиями (под общесоюзным командованием), и собственной денежной единицей — но может и не располагать. Дополнительный протокол подписывается каждой вступающей в Союз республикой с Централь-

ным правительством и ратифицируется Съездом) — по существу, он заключается со всеми остальными членами Союза. То есть требуется согласие на дополнительные условия вступления в Союз как вступающей республики, так и Союза.

А это означает, что степень интегрированности той или иной республики в Союз или, если угодно, объем ее **реального** суверенитета неизбежно окажутся **чрезвычайно разнохарактерными**, специфическими. И если связь одних республик с Союзным Целым будет минимальной (например, стран Балтии), то связь других членов Союза с центром практически мало отличалась бы от нынешней. Но любые территориально-экологические, экономические, культурно-языковые интересы каждой республики (например, нынешних национальных округов и малых автономий) были бы надежно оберегаемы дополнительным специальным протоколом, оберегаемы ровно в той мере, в какой сама республика сочла бы это для себя необходимым и посильным.

Ведь государственный суверенитет — не только право, престиж, гордость, символика, но и тяжкая ноша всестороннего самообеспечения, включая финансовые расходы, «свою» бюрократию, квалифицированные кадры и пр. Каждый народ имеет право получить суверенитет в том объеме, который соответствует его действительным возможностям и чаяниям, выявляемым посредством референдума.

Конституция Сахарова предусматривает в этом отношении огромную степень гибкости и многообразия форм включения каждой республики в Союз — и в этом самая сильная сторона проекта. Оговорены и права народностей, не имеющих своих территорий. Будут удовлетворены четыре десятка нынешних автономий, а также те, кто собирается их создать (немцы, крымские татары и др.).

Идет ли речь о федеративном государстве, о «настоящей» федерации (в отличие от мнимой, существующей ныне)? Или Союз, как он обрисован в сахаровской Конституции, — это конфедерация?

Идея сочетания общего Союзного договора и дополнительных специальных протоколов делает этот сакраментальный вопрос излишним.

С одной стороны, будущий Советский Союз может быть лишь конфедерацией! Иначе он распадется, многие республики не пожелают войти в состав такого содружества наций, которое ущемит их государственный суверенитет, так или иначе подчинит Центру, превратит всего лишь в часть пусть и демократизированного федеративного государства. Правоммерно пожелают особой и суверенной республики не только балтийские, закавказские народы, Украина или Молдавия, Татария или Карелия, но и, конечно, сами РУССКИЕ. Причем Республика Россия сама решит, не выделить ли ей в своих безмерных пространствах автономные административно-экономические регионы: скажем, Северо-Запад, Централь-

ную Россию, Поволжье, Урал, Западную Сибирь, Восточную Сибирь, Дальний Восток.

С другой стороны, исторически сложившийся общий экономический рынок; реально существующий язык межнационального общения; 60-миллионная миграция между республиками; обилие смешанных браков, абсорбция языков и диалектов (особенно в Белоруссии и на Украине); привычки жизни в какой-никакой, но одной стране без внутренних виз, пошлин и т. п.; отсутствие у многих народов традиций собственной реальной государственности (во всяком случае, на протяжении последних полутора, трех, а то и пяти и более веков); малочисленность некоторых этносов, нуждающихся не в том, чтобы срочно обзавестись своим министерством иностранных дел или собственной денежной единицей, но просто в бережном сохранении национально-культурной автономии, традиционного уклада жизни, землепользования или водопользования, чистых экологических ниш и т. д. и т. п., — все это при непременном условии подлинного самоопределения неизбежно придаст будущему Советскому Союзу много черт действительной федерации. Даже для крупных суверенных республик в составе Союза «конфедерация», может быть, окажется более тесной (органичной, выгодной), чем обычно подразумевает этот политологический термин.

Гибрид федерации и конфедерации! Ни на что в мире не похожее, беспрецедентное государственное объединение, слишком пестрое по уровням развития, историческим и культурным корням, размерам и слишком единое для такой пестроты... это уж с какой стороны на него посмотреть.

Здесь не место пускаться в более детальное обсуждение соответствующих сторон проекта А. Д. Сахарова, как и его Конституции в целом. Опущу многое, что заслуживало бы быть отмеченным и прокомментированным, — от статьи об исключении из Союза до выгодных для малых народов квот при выборах в Палату национальностей; от предложения осторожно заморозить на 10 лет дальнейшее изменение границ внутри Союза (вообще внести в Конституцию идею о переходном периоде при возникновении Союза) и до неизбежных спорных или неясных пунктов. (Я, например, возражал в беседе с Андреем Дмитриевичем против того, что «обе палаты заседают совместно, но по ряду вопросов, определенных регламентом Съезда, голосуют раздельно» — (ст. 29). Так практикуется теперь. И мне это представляется бессмысленным. Две палаты во всех демократиях мира заседают, как правило, раздельно; у них несколько разных функций и, в частности, одна из палат — верхняя, а другая — нижняя; если палаты разные не только по нормам и порядку избрания, но отчасти по функциям или правам, вот тогда понятно, почему нужно иметь их

две. Мне непонятно также, почему, если уж возможна эмиссия особой республиканской валюты, почему ее выпуск и аннулирование находятся в исключительном ведении Центрального банка Союза.) Но все обсуждение проекта А. Д. Сахарова — впереди. А задача настоящего послесловия носит самый предварительный, скромный характер.

Не могу лишь умолчать о том, что нынешние насилия и конфликты, особенно в Закавказье, по мнению многих, делают вряд ли осуществимым проект Сахарова, который рассчитан как бы на спокойную, цивилизованную, рациональную эволюцию. Мы много говорили с А. Д. о том, чем могла бы обернуться на деле — вот сейчас, идет ли речь о Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии и т. д. — попытка ввести в действие такую Конституцию... Андрей Дмитриевич тяжело задумывался, говорил о тупиковости ситуаций, когда практически убедительного, неувязимого решения нет и не может пока быть вообще.

Однако именно в такого рода «безнадежных» положениях, убедившись, что любые предложения и планы разбиваются при столкновении с политической реальностью, что разумные компромиссы не проходят, Андрей Дмитриевич находил (именно поэтому!) **наиболее практичным** придерживаться принципа. Ведь принципы, видите ли, это не то, что грезится мечтателям и чудакам. Принципы не сваливаются к нам с небес. Они зревают и шлифуются в сотнях исторических казусов. Они плод всей эпохи (в данном случае эпохи падения колониальных империй и буйного роста числа независимых государств на земном шаре в XX веке). Плод часто горького, затянувшегося, но верного опыта. Поэтому, когда никакого выхода не видать, мудрей и практичней всего довериться именно принципу.

Поэтому с него и начинается в Конституции изложение основ национально-государственного преобразования «бывшего СССР».

Это статья 15. «Основопологающим и приоритетным правом каждой нации и республики является право на самоопределение».

Проект Сахарова слишком хорош для нашего мира?.. С ним ничего не получится там-то и потому-то? Полыется кровь? Не дай Бог. Попробуйте, однако, предложить нечто более реалистичное и чтоб кровь ни за что больше не пролилась. Решений, которые устроили бы всех, нет и быть, увы, не может. Проект Сахарова, очевидно, далеко не безупречен. Но других серьезных проектов никто не предлагает.

Безупречным проект Сахарова стал бы при условии, когда качество действительной автономии на всех уровнях в децентрализованной стране — на уровне каждого муниципалитета, района и пр. — было бы столь высоким и объемным, что национальные вопросы в значительной

мере оказались бы сняты, растворены по ходу такой тотальной всепроникающей автономизации: самоуправлением любых человеческих общин в решении дел, касающихся их и только их. Но пока это не предусмотрено даже и в проекте А. Д. Сахарова. Не следует **ничего** отвергать в нем от порога. Ничего! Сначала взвесим каждое слово.

Что до статей Конституции, регулирующих отношения собственности, то они предусматривают свободное «плюралистическое» соревнование всех видов и форм экономической деятельности, не ограничивая (и не «вводя»!) ни одну из этих форм, включая и частнопредпринимательскую инициативу. Такова **пятая сквозная мысль** проекта Сахарова. «Предприятия с любой формой собственности находятся в равных экономических, социальных и правовых условиях» (ст. 44), «основой экономического регулирования в Союзе являются принципы рынка и конкуренции» (ст. 46). Причем государство активно вмешивается и регулирует развитие экономики посредством налоговой, кредитной, инвестиционной политики — ограничивает продажу, передачу и максимальные размеры земельной собственности, а также препятствует спекуляции и безхозяйственному ведению земледелия — остается (в лице республик и их Советов) высшим (титულным) собственником и распорядителем недр и водных ресурсов. Наконец, осуществляет перераспределение национального дохода в целях обеспечения социальной справедливости, защиты тех, кто не в силах прокормить себя сам, и гарантирует прожиточный минимум для всех членов общества.

Это очень сжатая и удачно сформулированная программа. Программа, могут спросить, чего? Социализма или капитализма? Ответ прост. Конституция Сахарова ничего в этом отношении не регламентирует, не запрещает и не поощряет. Дух конвергенции проникает и в ее экономический раздел. Обеспечивается юридически принцип многоукладности, реального **стартового** равенства всех социально-экономических усилий.

Наша экономика, как известно, вся стоит на наемном труде, причем оплата рабочей силы крайне низка и выбор приложения этой силы для ее владельца ничтожен ввиду предельной монополизации производства. Да и куда ни пойдешь с предложением своей рабочей силы — условия схожие. Упомянем и о принудительном труде, в огромных масштабах практически не оплачиваемом: обязательный труд на каторге (в лагерях) и в «стройбатах».

И нам с серьезными лицами толкуют о «несовместимости социализма с эксплуатацией человека человеком»... То есть тотальным хозяином-эксплуататором может быть только государство? И о каком же равенстве «частника», «частной собственности» с другими формами собственности, о каком «соревнова-

нии» на рынке может идти речь, если фермер, хозяин булочной или мясной лавки, сапожной мастерской или химчистки или акционерные собственники завода, скажем, по изготовлению цемента, керамики или транзисторов не могут нанять работников?

Проект Сахарова отмечает это идеологическое лицемерие. Государство регулирует рынок и следит за соблюдением на нем честных правил конкуренции.

Очевидно, возобладают те формы, которые в условиях честной, регулируемой правом конкуренции окажутся более производительными, эффективными, конкурентоспособными. Людям нужны не идеологические «измы», не капитализм и не социализм, а обилие товаров по доступным ценам, достаток для трудящихся, современный высокий уровень жизни, самореализация каждого индивида в процессе труда, чувство социальной защищенности и достоинства, благотворительность для старых, больных, слабых. Независимо от того, какой «изм» будет придуман, чтобы обозначить то, что могло бы привести наше общество к успеху на пороге третьего тысячелетия.

Общество пусть побеспокоится не о социально-экономическом равенстве (оно невозможно, как и равенство природных способностей), но о равенстве, повторяю, индивидуальных стартовых возможностей (политических, образовательных и т. п.). Частная собственность — главным образом, современного акционерного, кооперативного, вообще смешанного коллективно-частного типа. Наемный труд, **став свободным**, исключит «эксплуатацию человека человеком»... как и эксплуатацию человека государством... Каждого защитят демократические законы, независимые профсоюзы, ассоциированные сограждане, гарантированные условия труда и оплаты, система социального обеспечения.

Что же еще сказать о законотворческой робинзонаде Сахарова?

Опять Андрею Дмитриевичу пришлось совершить одинокий поступок. И опять этот поступок был обдуман, продиктован и ярко помечен столь характерной личной его чертой. Какой же?

Простите, **деловитостью**.

Со всех сторон в траурные дни только и слышалось — о, конечно, от полноты душевной, часто и покаянно, искренне! — о сахаровском «подвижничестве», «совестливости», «нравственной чистоте», мученичестве, нередко и с приглушенными религиозными обертонами. Что ж, все это заслуженные слова, хотя Сахаров был неверующим, совершенно, что называется, мирским человеком. Нынешнее массовое (отчасти и полуофициальное, умильное газетно-телевизионное) идейное поветрие таково, что я не без робости все-таки должен напомнить: за последние несколько веков в Европе, а с XIX века и в России было сколько угодно неверующих людей высочайшей нравственной и культурной пробы...

Первые слова Елены Георгиевны с телевизионного экрана накануне похорон о том, что «Сахаров был счастливым человеком». И снова настойчиво: «Он был счастливым». Кроме того, женщина, которой А. Д. был обязан большой долей этого счастья, заявила: «Я не хотела бы, чтобы из Андрея делали святого». Осмелюсь добавить, что односторонние повторы насчет бесспорной, чисто нравственной цельности и силы лишают возможности оценить феномен Сахарова в его действительной оригинальности, сложности и... исторической эффективности. Не был он ни «святым», ни чудачком, ни юродивым, ни «большим беззащитным ребенком» и т. п. Но — умным, трезвым, жестким нонконформистским деятелем.

У меня были случаи встречаться с Андреем Дмитриевичем в 1969—1979 годах и тесно сотрудничать с ним в 1988—1989 гг. Здесь не место вспоминать впечатления бытового и психологического порядка. Скажу лишь, что в общественном плане Сахаров был рационалистом и интеллектуалом «западного» толка. Не такой уж, пожалуй, редкий в послепетровской, особенно в последекабристской, тем паче в пореформенной Руси, но все же и отнюдь не слишком расхожий человеческий тип. У нас эти свойства ума и воли чаще привычно относили к чужакам, к какому-нибудь немцу Штольцу. Как будто Россия не дала густую поросль европейски просвещенных предпринимателей или великих ученых. Сахаров был русским европейцем, и хотя его внешний облик, манера поведения, застенчивые, угловатые и притом независимые ухватки могли навести случайного и начитавшегося Достоевского наблюдателя на поверхностные ассоциации с князем Мышкиным или Алешей Карамазовым — Сахаров был человеком сдержанным, прежде всего ясно и независимо думающим, полагающимся на факты и логику, взвешивающим возможные результаты... он был деятелем.

В 70-е годы А. Д. повторял, что «он не политик», хотя это не мешало ему написать несколько очень четких и пророчески умных текстов политико-социального содержания. Говорят, у него не было политического опыта, но... Он участвовал в совещаниях атомников, где председательствовал Берия, он знал Хрущева, он наблюдал множество государственных деятелей разного ранга, кагэбэшников, диссидентов, журналистов, дипломатов; а потом и М. С. Горбачева, А. Н. Яковлева, множество других сановников, народных депутатов, «неформалов», рабочих, премьер-министров и президентов... В последние полтора года перед кончиной необыкновенно развилась его способность вглядываться в людей и обстоятельства и принимать на основе этих наблюдений важные практические решения.

Совсем не политик, действительно, по психологическому складу своему, Ан-

дрей Дмитриевич очень рано обрек себя на то, чтобы играть политическую роль. Он выполнял ее не «профессионально», по-своему; но это и был именно тот новый, демократический, народный, интеллигентный способ быть политиком, который в конце XX века (и у нас, возможно, в особой мере?) стал новым политическим профессионализмом, который востребован историей.

Среди диссидентов были люди, ничуть не уступавшие Андрею Дмитриевичу в душевном величии, самопожертвовании, бестрепетной гражданской честности. Многие вынесли больше гонений и страданий, чем Сахаров. На мой взгляд, однако, ни один русский диссидент не стал политическим деятелем в новой («горбачевской») ситуации; да еще деятелем такой демократической точности, последовательности, масштаба, как Сахаров. К прежней способности быть бескомпромиссным в главном, плыть против течения добавилось умение тактического компромисса, много дипломатического такта. Никто из бывших диссидентов не сумел так энергично войти в уже не «диссидентский», легальный, обращенный ко всей стране этап политической деятельности, как это сумел сделать Сахаров. И дело не просто в том, что никто не обладал авторитетом и возможностями лауреата Нобелевской премии мира, физика, известного всему человечеству. Дело в самом Сахарове, в том, как именно он понимал свои новые гражданские задачи, **что и как** он делал ради их выполнения.

Важно помнить, что Сахаров сочинил свой конституционный проект осенью 1989 года. А это был совершенно особый переломный момент. Конкретным историко-политическим фоном его раздумий было исчерпание (чтобы не сказать попросту «крах») официальной политики, лозунгов и форм перестройки. Накануне второго Съезда народных депутатов стало очевидным, что никакие действительно глубинные проблемы на нем не будут не только решены, но даже и поставлены на обсуждение. В течение нескольких недель развалились коммунистические режимы Восточной Европы, и наша страна сразу оказалась в хвосте этого всемирно-исторического процесса (если не оглядываться на Дальний Восток).

Понятие официальной «перестройки» в глазах миллионов граждан скомпрометировано: в результате нараставшей в 1989 году угрозы экономической катастрофы; ввиду плана постепенного латания дыр, предложенного правительством и обреченного на провал; после кровавых событий в Закавказье и Средней Азии; после нескольких реакционных партийных пленумов ЦК, продемонстрировавших полнейшую неспособность косного и бездарного большинства в ЦК и в Политбюро хотя бы **понять**, насколько глубоки и необратимы происходящие в стране процессы; в связи с активизацией «новых правых»; при виде панического

роста эмиграции или паралича железных дорог; в итоге неудач замечательных шахтерских попыток изменить хотя бы частности... не дожидаясь изменения основ политического и экономического строя страны в целом; перед лицом начавшегося фактического распада КПСС, стихийных «свержений» обкомов от Тюмени до Волгограда. И многого, многого другого, что еще успел большей частью увидеть и прочувствовать Андрей Дмитриевич.

В последнем подписанном им (за четыре дня до смерти) программном документе (заявление 94 народных депутатов из Межрегиональной группы «О перестройке сегодня и в обозримом будущем») содержится достаточно развернутый анализ драматического кризиса перестройки. Призыв А. Д. Сахарова к двухчасовой предупредительной забастовке накануне Съезда был своего рода актом отчаяния. Ведь в России не было (и нет до сих пор) мощной массовой организации, которая была бы способна подхватить и реализовать этот призыв. Сахаров, однако, считал в создавшейся ситуации оправданным такой импровизированный призыв, понимая, что нет ни времени, ни политических способов действительно провести массовую, всеобщую забастовку. Призыв был брошен просто в эфир, в гулкое безмерное российское пространство... Но Сахаров полагал, что даже символическое значение призыва пяти депутатов будет велико, привлечет внимание населения к остроте положения и необходимости адекватного ответа, будет способствовать политизации страны. Я был среди тех, кто, не колеблясь, когда Андрей Дмитриевич, позвонив, поинтересовался моим мнением, поддержал политико-психологическую оправданность этого жеста, пусть рассчитанного скорее на будущую, чем на прямую немедленную реакцию. Думаю, что невиданная полумиллионная демонстрация в Москве 4 февраля 1990 г. — лишь первое эхо призыва Сахарова к объединению всех демократических сил, к началу мощных внепарламентских действий по всей стране, к отчетливому оформлению на Съезде парламентской оппозиции.

Сахаров говорил об этом в последнем интервью, подтверждая прежнюю готовность поддержать Горбачева, но на **определенных политических условиях**, поддержать от имени независимой либеральной радикальной оппозиции ради изменения самих основ обанкротившегося режима партократии. И об этом же Андрей Дмитриевич сказал в своей — исключительной по краткости, силе, логичности, яркости — последней речи на заседании Межрегиональной группы. 14 декабря Сахаров убеждал своих коллег и разъяснял, почему они не выполнят демократического долга, если не станут в открытую оппозицию к нынешней политике руководства КПСС и правительства, к рутинному большинству на Съезде.

Примерно через три часа после этого выступления в Кремле Сахарова не стало.

В контексте документов, свидетельствующих о том, чем были заполнены последние дни борьбы Сахарова, получает более емкий и ясный смысл Конституция, над которой он трудился.

Вот его политическое завещание, если угодно.

Сейчас мы снова слышим, что с Конституцией торопиться не следует, что дело это сложное, что не нужно определять какие-то сроки ее выработки и принятия...

«Не нужно торопиться?» Но «торопиться» — это вопрос не о сроках. Аппарат КПСС давным-давно просрочил свои политические векселя, они уже предъявлены народами к взысканию. Это вопрос не о сроках, а о **качестве думания**. Думать можно неторопливо — и скверно. Думать можно быстро, максимально быстро, когда это диктуют обстоятельства, и притом — верно.

Поэтому спросим себя о проекте Сахарова: верен ли он? Если да, торопиться с его доводкой необходимо.

А теперь о другом. В проекте Сахарова нетрудно заметить некие логические ножницы, и это даже поражает.

Если «Президиум» Съезда перенесен в проект почти машинально — экстраполирован из нынешней структуры, — то уж никак не машинально А. Д. внес в Конституцию, скажем, «свободу от произвольного ареста и не обоснованной медицинской необходимостью психиатрической госпитализации» (ст. 6). Следующая фраза не оставляет сомнений, что Сахаров имел при этом в виду политические «психушки», в которых пострадали многие его единомышленники и друзья. Сюда же статья 8: «Никто не может быть подвергнут пыткам и жестокому обращению», Сахаров знал и на собственном опыте, что такое «жестокое обращение». В статье 14 он подытоживает семидесятилетний советский опыт, оговаривая довольно простое условие, без которого статья 6 или 8, как, впрочем, и многие другие остались бы лживыми декларациями: «В Союзе не допускаются действия каких-либо тайных служб охраны общественного и государственного порядка». Я надеюсь, что после недавних событий в Праге или Берлине количество скептических улыбок в адрес сахаровского «донкихотства» несколько поубавится. Во всяком случае, кое-что он сказал-таки на прощание людям, которые в течение 20 лет заботились об его разговорах, переписке и перемещениях. Ну, хорошо. Это-то все домашнему привычно, как любимые стоптанные шлепанцы.

Но ведь Конституция рассчитана... на сто лет? Она описывает общество, настолько благополучное и свободное, что немыслимо представить себе, будто в нем по-прежнему могут сажать инакомыслящих в тюрьмы и психушки. Эти

предусмотрительные статьи, подсказанные вчерашними, а отчасти и нынешними ощущениями, вставлены в ту же самую Конституцию, где мы читаем о том, что Советский Союз стремится к гармонизации всех глобальных проблем, к конвергенции, т. е. «встречному сближению» двух мировых систем.

И... «ПОЛИТИЧЕСКИМ ВЫРАЖЕНИЕМ ТАКОГО СБЛИЖЕНИЯ ДОЛЖНО СТАТЬ СОЗДАНИЕ В БУДУЩЕМ МИРОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА»!

Не составит труда для кого-то и улыбнуться по поводу этой фразы. Фантастической фразы?.. Я улыбаться не советовал бы. Как выразился по другому, более мелкому поводу Маяковский: зайдите лет через сто, поговорим.

«Мировое правительство» упоминается у Сахарова в виде вполне логичного заключения из рассуждений о «долгосрочной перспективе» тех процессов, которые уже обозначились в истории (например, в пределах европейского региона). Это очень, очень отдаленная цель, в чем Сахаров отдавал себе отчет не хуже других. Но — реальная цель, поскольку вне ее рассыпается цепочка неотвратимой конвергенции, а конвергенция в свой черед, как был убежден А. Д., есть необходимое условие **выживания человечества...**

Не сказал бы, что в проекте Сахарова психологически, политически и юридически плохо стыкуются малопримечательные подробности насчет недопустимости тайной политической полиции, незаконных арестов и психушек — и ослепительное «мировое правительство».

Напротив! Это проект, составленный советским диссидентом. И это проект, принадлежащий ученому, размышляющему о проблемах будущего человечества.

Мысль Сахарова естественно двигалась между двумя разнозаряженными полюсами.

Права человека **сейчас и здесь**, правовая защищенность индивида в условиях свободной экономики и демократического парламентаризма, которые должны появиться наконец-то и у нас благодаря принудительной силе всечеловеческого научно-технического прогресса. Без этого какое же будущее, какая конвергенция?

С другой стороны, точка схода всех конфликтующих линий мирового развития в отдаленной перспективе; внутренняя (так сказать, технологическая) необходимость конвергенции. Вне этой столь отдаленной, но, по заветному убеждению Сахарова, неминуемой всемир-

ности права человека были бы не **обеспечены будущим**. У них не было бы будущего в глобальном масштабе. Вне конвергенции какие же права человека?

Настороженная оглядка в прошлое, не очень-то отжитое, и смелый теоретический замах в будущее, как всегда достаточно загадочное. Попытка сбалансировать все это, создать Конституцию, исходя из нынешних условий, но преодолевая эти условия, изобретая государство, которого пока еще нет.

Корректная ли это, вообще говоря, задача?

Историк ответит: а разве до законов Солона в Афинах действовали законы Солона? Разве Конституция Соединенных Штатов Америки не детище «отцов-основателей», не вышла из голов ее творцов, как Афина Паллада из головы Зевса? Разве это же не относится к большинству революционных конституций, деклараций, декретов? Наше положение, разумеется, крайне осложняется тем, что придется изобрести не только новый политический строй, но и новое содружество наций и даже новую экономику.

Если вы желаете изменить порядок вещей в стране и с этой целью предлагаете новые законы — а в самой реальности нет еще ничего подобного, — эти законы придется **придумать**. Чем, собственно, теперь занимаются и в Верховном Совете.

Но готова ли почва? Достойны ли мы такой превосходной Конституции, как сахаровская (после, разумеется, ее критического обсуждения и доработки)?

События покажут. Чего мы достойны, то и получим.

Скажу откровенно: мне лично, как, наверно, и многим, слишком трудно (судя по развороту политических обстоятельств) поверить в то, что будущий Основной Закон окажется в главных, принципиальных чертах близок к сахаровским конституционным идеям, что недалек день создания Европейско-Азиатского Союза. Но постоять за это хочется. И тошнит от того, во что слишком легко «поверить».

Осуществить завещание Сахарова будет непросто. А сами смысл и суть его — проще некуда. «Цель народа Союза Советских Республик Европы и Азии — счастливая, полная смысла жизнь, свобода материальная и духовная, благосостояние, мир и безопасность для граждан страны, для всех людей на Земле независимо от их расы, национальности, пола, возраста и социального положения».

Москва, 7 февраля 1990 г.

Е. Г. БОННЭР

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Под текстом «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии» напечатано: «Проект подготовлен А. Д. Сахаровым». Даты нет. Я хочу ее проставить — 14 декабря 1989 года. Спустя, условно говоря, 164 года после той — первой Конституции!

Проект Конституции Сахарова был опубликован в декабре 1989 года в четырех официальных изданиях и перепечатан некоторыми неформальными. Но я не видела ни одной заметки, обсуждающей его. Не упоминало о нем телевидение в частых сейчас диспутах депутатов и кандидатов в депутаты. Думаю, что проблемы конституционного устройства страны волнуют их. Но похоже, что острая общая ситуация, неожиданность некоторых поставленных перед ними вопросов, напряжение, с которым проходят заседания Верховного Совета, затянули их, как водоворот. И работа над Конституцией может не начаться еще долго. Но пока не будет Конституции, мы будем перестраивать наше прошлое, не зная, что собираемся построить. И стоит ли вообще копыя ломать и огород городить!

Проект предложен не просто для ознакомления, а чтоб подумать, сравнить с прошлыми нашими конституциями, обсудить. Понять, какой Основной Закон у нас был. Почему наши руководители в одних случаях держат сталинско-брежневскую Конституцию за икону, на которую молятся, а в других — легко, вроде как на бегу, ее перекраивают. Подумать, что перестраиваем и что хотим построить. Вспомнить наконец, для кого создаются конституции и кого призваны защищать — партии, правительства, государство или — народы и людей.

Задачу этой публикации я вижу в том, чтобы она стала приглашением к дискуссии.

Сейчас, а не тогда, когда будет опубликован — «вынесен на всенародное обсуждение» или, как теперь принято говорить, «чтобы посоветоваться с народом» — официальный «Проект Конституции», по-обычному безымянный. И мы всем обществом от народных депутатов до пенсионеров станем торопливо латать его. Мне легче, чем тем, кого публикация приглашает к дискуссии. Я принимаю проект полностью. Это та Конституция, какую я бы хотела для нашей страны.

Я расскажу, что у меня на памяти. Издалека. В 1971 г., в канун открытия XXIV съезда КПСС, я пришла домой с работы в восьмом часу. Встревоженная

мама сказала, что звонила Ира Кристи — у Валерия Чалидзе обыск. Не скинув пальто, я вынула из авоськи мясо и еще что-то, требующее холодильника, добавила к хлебу, колбасе и сыру, там уже лежавшим, чай и конфеты и поехала на Сивцев Вражек. У подъезда дома общества «Россия» (всегда всплывала строчка «Вот парадный подъезд...») я столкнулась с академиком Сахаровым. Мы прошли полумарш лестницы до лифта, и, пока вызывали его, Андрей Дмитриевич сказал, что у Буковского тоже обыск, но он решил ехать сюда. Лифт не пришел. Поднимаясь на последний пятый этаж (а этажи в этом доме дореволюционные), подумала, что лифт выключен специально для Сахарова, — так медленно он шел. На площадке около двери стояли милиционеры и пришедший, видимо, чуть раньше нас Ефимов. К сожалению, не помню его имени. Я мало его знала. После короткого объяснения нас впустили в квартиру, когда-то барскую, теперь многокомнатную коммуналку, где Валерий занимал одну большую, темноватую, неухоженную комнату, напоминавшую ленинградские послеблокадные. Там, кроме хозяина и нескольких вежливых сотрудников КГБ, были Андрей Твердохлебов, Ира Кристи и Ира Белгородская. На полу высились кипы бумаг и книг, отобранных к изъятию, но по тому, сколько еще книг и ящиков оставались непросмотренными, было ясно, что быть нам тут до утра. Я села на невероятных размеров тахту, Андрей Дмитриевич — рядом, на какой-то табуретке, спиной к стене, лицом во все пространство комнаты, как человек, собирающийся внимательно наблюдать за тем, что происходит. Не наблюдать даже, а как бы изучать. Потом я узнала, что это был первый обыск, на котором он присутствовал. Ефимов сел рядом с Андреем Дмитриевичем. Было видно, что обыск его не интересует. Несколько раз он что-то спрашивал у А. Д., но тот не отвечал — следил за происходящим. Две Иры сидели на тахте с противоположной от меня стороны. Андрей Твердохлебов маялся и часто пересаживался со стула на стул. Невозмутимый Валерий подчеркнуто спокойно прохаживался среди книг, бумаг, мебели и время от времени говорил обыскивающим: «Соблаговолите пройти сюда». Потом он сказал: «Соблаговолите сопроводить меня в уборную» (или, может, он сказал «в туалет»?). Эта просьба, выраженная в столь величественной форме, сняла напряженность присутствующих. Мы стали шутить, переговариваться. Я с двумя Ирами. Ефи-

мов с А. Д. Ефимов что-то долго говорил о Конституции.

Я знала, что он занят этой проблемой, позже я печатала какой-то его проект. Когда заговорил А. Д., мое внимание переключилось на их разговор. Но, пропустив его начало, я не знала, на какие доводы Ефимова А. Д. отвечает. Он сказал, что в сегодняшних реалиях не видит возможности в нашей стране иметь высший закон, который бы ему лично пришелся по душе. Ефимов спросил у А. Д., как он относится к демонстрациям в защиту сталинской Конституции (идея принадлежала Алику Вольпину). А. Д. ответил, что относится хорошо, ведь лозунг демонстрантов — «Уважайте свою Конституцию!», что идея уважения закона ему близка, а Сталин тут ни при чем, да и в Конституции есть неплохие положения, беда в том что они — фикция. Потом А. Д. сказал, что ему с отрочества нравятся «Билль о правах» и «Великая Хартия вольностей».

Помолчал и добавил: «Особенно названия».

Обыск закончился хорошо — увезли горы бумаг и книг, пишмашинки, фотоаппарат, еще что-то. А Валерия оставили дома. От этого все были радостно возбуждены, говорливы. И у всех прорезались дьявольский аппетит и жажда, так что мои припасы, запиваемые горячим чаем, исчезли с молниеносной быстротой. Потом мы с Ирой Кристи на такси доставили А. Д. домой — было принято, что кто-то должен опекать академика. (Позже я отменила эти диссидентские нежности.) Потом я довезла Иру. И в такси, пока ехала предрассветной, пустынной Москвой от Войковской до Чкалова, поняла, что разговор А. Д. с Ефимовым был серьезным.

Пожалуй, это были первые слова о Конституции, которые я слышала от А. Д. А когда мы ходили к памятнику Пушкину каждое 5 декабря, то А. Д. не вспоминал Конституцию, но волновался о том, как пройдет демонстрация. Кто дойдет до площади? Кого заметут по дороге? Кого вообще задержат?

Я не помню, как и когда появилась у нас в доме книга Смита «Конституция и административное право» на английском языке. Временами Андрей читал мне какие-то отрывки оттуда и в 1977-м, когда лежал после операции аппендицита, попросил принести ее в больницу. Я шутя спросила, собирается ли он, как Ефимов, писать Конституцию или, как другие, — наводить критику на проект, который нам только что преподнесли. Так же шутливо он ответил, что подобным делом займется только в том году, который станет 84-м — аллюзия на памфлет Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». Это было время горьких шуток над проектом новой Конституции. Но и время, когда многие писали серьезные статьи. Писал и Григоренко. На вопрос Петра Григорьевича, собирается ли он высту-

пить по этому поводу, Андрей Дмитриевич ответил, что не будет, так как не находит «о чем», а главное — «с кем» можно дискутировать. Несколько раньше, читая «Правду» с текстом проекта, Андрей сказал, что не понимает, что нам предлагают — Конституцию или Программу партии (может, он сказал «Устав»). По этим репликам может показаться, что А. Д. не придавал большого значения Конституции. Но только на первый взгляд. Он очень хорошо знал «Всеобщую Декларацию прав человека» и Пакты о правах. При цитировании ему не нужен был текст. И в течение почти четверти века почти во всех общественных выступлениях он в большей или меньшей мере касался вопроса конституционного устройства страны. В Горьком он выписал изданную в 1982 году книгу «Конституции буржуазных государств» и так же, как когда-то читал отрывки из книги Смита, читал мне почему-то чаще всего по утрам за завтраком что-то особенно ему понравившееся.

В новые времена Андрей Дмитриевич был очень обеспокоен теми поправками, которые были внесены в Конституцию перед выборами 1989 года. Он считал опасным, что это делается старым Верховным Советом, выбранным еще при Брежнев, и недопустимым частичное изменение Конституции в угоду моменту, когда поправки носят сиюминутное, прикладное значение. И еще до выборов несколько раз говорил, что перестройку надо начинать с головы, а не с хвоста. Головой в этом контексте он считал Конституцию и новый Союзный Договор. На первом Съезде он высказал ту же мысль в другой форме: «...Мы начали строить наш общий дом с крыши» (кажется, так).

А. Д. несколько раз говорил мне, что хотел бы работать в Комитете Конституционного надзора, который считал чрезвычайно важным, а пост его Председателя, — возможно, самым ответственным в стране и требующим от того, кто его будет занимать, абсолютной внутренней свободы и абсолютной честности. В дни первого Съезда я (как вся страна) сидела перед экраном телевизора. В перерыв бежала к машине, ехала к собору Василия Блаженного за Андреем, чтобы вести его обедать в гостиницу «Россия». Следить за тем, что происходит в Кремле, и готовить обед я не успевала, а без меня Андрей ни разу, кажется, не поел в буфете Дворца Съездов. Когда он стал членом Конституционной комиссии, мне показалось, что он доволен этим избранием. За обедом я спросила, понимает ли он, что большинство Съезда считает Конституцию незначительным фактором нашей жизни и надеется, что и впредь, сколь бы часто ни повторялось слово «перестройка», Конституция так и останется словами, напечатанными на более хорошей бумаге, чем газеты. И потому его выбрали безо всяких трений. Он посмотрел на меня укоризненно, но не возражал. А через минуту сказал

так, как будто он будет это делать уже сейчас, сразу после обеда: «Но я все равно ее напишу». Это-то я знала и без его слов. Еще не было дела, которое он брал бы на себя, а потом не делал.

После окончания Съезда, 15 июня, мы улетали в Европу. Поездка предстояла громоздкая. Меньше чем за месяц — Голландия, Великобритания, Норвегия, Швейцария, Италия и снова Швейцария. Потом США — три недели в гостях у детей, Стенфорд и Сан-Франциско. Очень много выступлений общественного характера, принятие почетных степеней, выступление на Пагуошской конференции, научные встречи и семинары. Везде давно ждали Сахарова друзья, коллеги, государственные и общественные деятели, люди. Андрей не давал окончательного согласия на поездку, пока не узнал у А. И. Лукьянова, что заседания Конституционной комиссии до сентября не будет. Только после этого разрешил мне отвечать согласием на непрерывные международные телефонные звонки. Но еще долго нервничал, что такое важное дело, как Конституция, откладывается в долгий ящик, что это — преступление перед страной.

Маленькое отступление. Вчера, 27 февраля, на заседании Верховного Совета один из депутатов упрекнул своих коллег за то, что они ездят «по заграницам» за их (других делегатов) счет. Этим замечанием и вызвано мое отступление. Мы много ездили в последний год жизни Андрея Дмитриевича вдвоем, один раз он ездил без меня, дважды — я без него. Но мы на ваш счет не ездили ни разу и даже ни разу не меняли наш легкий рубль на тяжелую валюту. Андрея Дмитриевича в столь многом упрекали товарищи народные депутаты, что я решила предупредить еще один упрек.

За эту поездку Андрей Дмитриевич решил написать книгу о времени после возвращения из Горького до первого Съезда включительно и Конституцию Союза Советских Республик Европы и Азии. И написал. Так он работал. Исповедуя два принципа — «любое задуманное дело должно быть сделано» и «никто никому ничего не должен». Много высоких слов говорилось о Сахарове при жизни — в иные времена шепотом, потом громко, а уж после смерти — не перечсть. Но никто ни разу не сказал слово «работник». Может, самое емкое, вмещающее все другие высокие слова. И я рада, что оно досталось мне — свидетелю того, как он работал. Всегда. Везде.

Стоял жаркий влажный июль. После завтрака Андрей во дворике в тени писал книгу. Стопка чистых листов, которую он выносил с собой из дома и клал справа от себя, постепенно перемещалась налево и росла. За срок чуть больше месяца получилась книга — почти 300 страниц. Мы поздно обедали. Андрей отдыхал час, иногда полтора. Немного уляли. Поздний вечер и часть ночи были временем Конституции. Такой распо-

рядок нарушился только раз, когда он отдал день Пагуошской конференции, проходившей в Кэмбридже. Наши передвижения ограничивались тем, что мы ежедневно переезжали из дома моей дочери в дом к сыну и обратно — для симметрии, чтобы быть в равной мере гостями обеих семей. В связи с Конституцией Андрей что-то читал, но часто откладывал книгу, ссылаясь на то, что Игорь Евгеньевич Тамм утверждал: юриспруденция и философия не науки. А потом говорил: чтобы написать Конституцию, надо иметь за плечами жизнь, в голове немного здравого смысла, обязательно уважать тех, для кого она пишется, и уважать самого себя. Пару раз он говорил по телефону с известным американским адвокатом — специалистом по конституционному праву. Собирался с ним встретиться, но не получилось по такой славной причине, что у того была свадьба и свадебное путешествие.

Книгу Андрей кончил до нашей поездки в Калифорнию, где мы выступали на конференции по правам человека, а потом Андрей несколько дней общался с физиками в Стенфорде. Там у нас был, несмотря на занятые дни, долгий уик-энд, и вместо работы по ночам мы устраивали прогулки далеко за полночь, так что однажды даже заблудились после посещения ночного ресторанчика в соседнем городке. И пришлось обратиться за помощью к молодой «полис-леди», которая вызвала нам такси.

На пути в Москву мы шесть дней гостили у друзей на юге Франции. У меня был полный отдых, а Андрей говорил, что он отдыхает с Конституцией. Работал по четыре-пять часов за столом в саду. За ужином в канун нашего отлета он сказал, что кончил писать Конституцию. Сказал с грустью. Наступила ночь — темная, южная. И неожиданно у линии горизонта появилась светлая полоса, она росла, высилась, рыжела. Потом тишину пронзил шум машин и пронзительный, какой-то военный вой сирен. Лесной пожар. Мы видели его впервые. Красиво. Но так тревожно, что никакой красоты не надо и бессонная ночь обеспечена. Утром 28 августа Андрей положил в чемодан два своих больших блокнота. Потом передумал и переложил их в сумку, которую мы всегда брали с собой. В кабине самолета он раскрыл один из них, полистал. Убрал на место. И, притулившись ко мне, сказал: «Тебе не кажется странным, что я кончил Конституцию и потом этот пожар — в один день?» Дома, в редкие свободные от московской текучки вечера, он возвращался к работе над Конституцией. Только в двухнедельной поездке по Японии расстался с ней, а по возвращении снова стал что-то править. И называл это дроводкой. Он очень волновался, что Конституционная комиссия до ноября не начала работу.

Я не была в Москве десять дней. Андрей встречал меня в Шереметьево 29 ноября и сразу сказал, что 27-го наконец-

то было первое заседание комиссии, что его проект был единственным и он передал его М. С. Горбачеву с просьбой опубликовать и провести обсуждение. Сказал, что в материалах к заседанию комиссии есть много предложений, которые не расходятся с его, но, к сожалению, отсутствует концептуальный взгляд и удручают предложения по преамбуле, в которых преобладает старая терминология, скрывающая еще более старое мышление. Позже, дома, я прочла все эти материалы. Они и сейчас передо мной. В синей папочке вместе с текстами Конституции Сахарова. В этой папке их три, два из них идентичны. Мы не знаем, какой вариант был передан М. С. Горбачеву. Но я согласна с Л. М. Баткиным, что последним является тот, который опубликован в Прибалтике.

В последнем телефонном разговоре — в четверг 14 декабря в восемь часов вечера — Андрей Дмитриевич сказал, что он еще поработает над текстом Конституции в конце недели и отдаст окончательный текст в воскресенье вечером. После этого он сказал мне, что хочет что-то сократить в статье о функциях Президиума и в каком-то другом месте. Но я не запомнила. А через час Андрея Дмитриевича не стало. Это так странно, так не в его характере, чтобы он не закончил какую-то работу. Вот книгу завершил. Еще утром в этот день положил мне на стол листы с последней правкой и вечером, уходя отдохнуть, сказал, чтобы я разбудила его в половине одиннадцатого, — будем работать. А на Конституцию ему не хватило трех дней.